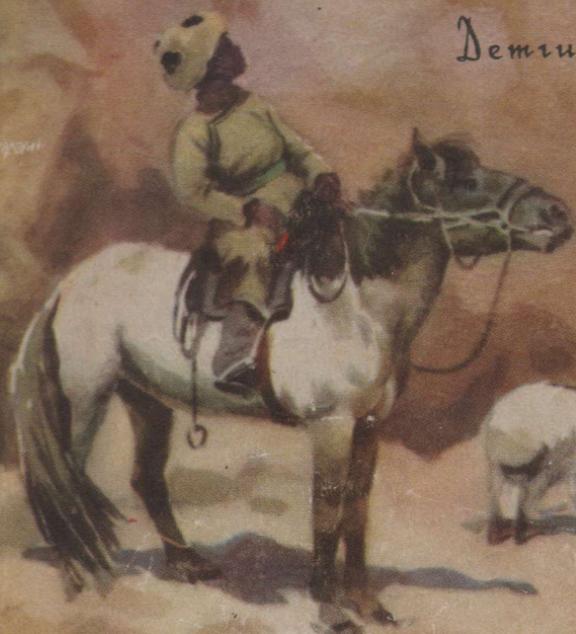

А-65

Е. Андреев
УТРО В ГОБИ

Детиш-1955

Е. АНДРЕЕВ

УТРО В ГОБИ

*Рисунки
П. Осовского*

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1955

К ЧИТАТЕЛЯМ

Мне, как зоотехнику, довелось побывать в Монгольской Народной Республике, стране, где главная отрасль народного хозяйства — животноводство. Длительные поездки по районам, частые встречи со скотоводами — аратами, ночевки в юртах, долгие беседы около аратского очага — все это позволило близко узнать жизнь монгольских арат, уклад их хозяйства, обычаи, нравы, заботы, радости.

Я помню один разговор с министром животноводства. Беседовали мы перед очередной поездкой в аратские хозяйства.

— Куда вам поехать? — спросил министр. — Вот об этом я и хотел поговорить. Можно, конечно, отправиться в Центральный аймак¹. Тут недалеко. Но ведь десять километров проедешь — в одну юрту заедешь, сто километров проедешь — в двадцать юрт заедешь, тысячу километров проедешь — хоть в тысячу юрт заезжай. А каждая юрта — свои заботы. С каждым аратом поговоришь, сколько забот узнаешь! Я бы на вашем месте поехал по тысячекилометровому маршруту. Положил бы в кузов машины бочки с горючим, да и двинулся бы, скажем, на запад. Вот, к примеру, живет в Гоби-Алтайском аймаке арат Чойджил. Очень опытный животновод. Каких овец разводит, и почти что в пустыне! Его хозяйство — настоящая загадка. И трав мало в этой местности, и безводье, и кочевки ежегодно на двести-триста километров, а овцы — с телят. Есть бараны — без малого центнер весят, осенью сало у них на ребрах в два пальца толщиной, шерсти дают намного больше, чем овцы центральных районов. Через год-другой начнем распространять гобийских великанов в других районах страны.

Вам не приходилось бывать в Гоби?..

Нет? Тем интереснее поехать туда. В этот раз на запад, а в следующий — на восток, вот и вся страна откроется перед вами за две

¹ Аймак соответствует области.

поездки. Согласны?.. Я так и думал. Любопытный человек никогда не откажется побывать в Гоби.

Теперь я дам вам три совета, — продолжал министр. — Нет, нет, не надо записывать. Вы их и так запомните.

Обязательно побывайте у арата Чойджила... Где он сейчас? Кто же в Улан-Баторе это знает! Он в году много раз кочует: зимой — от снегов, если они бывают, летом — за водой. В том-то вся и задача — найти его. Много юрт надо посетить, чтобы до Чойджила добраться. Доберетесь — очень хорошо будет! Где-нибудь под скалой разбил он свое кочевье, любой арат вам покажет. Когда будете спрашивать дорогу, обратите внимание, как станут ее показывать: если пальцем покажут вверх гор — значит, еще добрых три уртона¹, если на гору — два уртона, а если ниже горы — не больше уртона. Не совсем точно? Не беда. Большой точности и не понадобится.

Второй совет. Никогда не отправляйтесь в дорогу после захода солнца, и путешествие ваше будет благополучным. Большинство дорожных неприятностей происходит после захода солнца. Простое правило, а очень полезное, сам проверил.

Какой третий совет? Совсем пустой. Не отказывайтесь пить чай в юртах. Говорят: «Чай пьешь в юрте — мысли хозяина к тебе в голову переходят».

Вот и всё. Желаю вам спокойной, счастливой дороги!..

Куда бы ни приезжал советский специалист, в какую бы юрту он ни заходил, везде его встречало аратское гостеприимство, приветливость, внимание. Каждое полезное указание принималось с благодарностью.

Много выпито крепкого монгольского чая за дружескими вечерними беседами в юртах. Сколько вопросов задавали араты — не перечесть. Одно хорошо запомнилось: о чем бы ни заходил разговор в аратской юрте, он всегда подходил к главному: «Расскажите о Советском Союзе».

И как часто приходилось слышать: «Вот бы побывать в Советском Союзе, своими глазами увидеть вашу жизнь!» Особенно же сильна тяга к жизни нашей страны у аратской молодежи.

В путевых заметках и зарисовках, предлагаемых читателю, я рассказал о том, что видел собственными глазами. Источник книги — впечатления от встреч с аратами, теплые воспоминания о гостеприимном, добром народе.

¹ У р т о н — монгольская мера длины, равная примерно 30 километрам.

ПЕРВОЕ МАЯ

Сегодня — Первое мая. Улан-Батор нарядился в красные флаги. Лентами перевиты столбы у ворот каждого двора. А во дворах — белоснежные юрты, как хозяйки в белых дели¹; и над дверью каждой юрты прикреплен красный флажок.

На улицах и площадях толпы народа. Будто поток цветов течет по городу — так ярка одежда людей. Голубые, красные, желтые, розовые, зеленые дели.

Совсем еще недавно в столице Монголии было больше юрт, чем домов. Ламские монастыри казались едва ли не самыми большими зданиями. Но как изменился город за последние годы!

¹ Дели — широко распространенная в Монголии одежда, вид халата.

Кончаются узенькие, путаные улочки старого города — по ним даже не везде пройдет машина, — и открывается огромная площадь. В ее центре высится памятник вождю революционной Монголии — Сухе-Батору: на могучем коне всадник.

Слева — многоэтажный дом правительства. От него на север идет прямая, широкая улица, застроенная высокими домами; тут же высится самое красивое здание города с крышей-куполом будто из хрусталя. Это государственный университет. Вечером путнику, направляющемуся в столицу, за много километров виден этот горящий хрустальный купол.

«Университет светит!» — говорят на дорогах, ведущих к городу.

На площадь Сухе-Батора смотрят фасадами здания гостиницы, трехэтажного кинотеатра, Министерства иностранных дел. В восточной части площади высится большое здание — это театр. Под голубым небом сияют его стены и колонны, а вокруг — люди, нарядные, веселые, шумные, праздничные.

Велосипедисты, всадники движутся вереницей. И велосипеды и лошади убраны лентами. Тихо шуршат по крышкам об асфальт «победы», битком набитые разряженной детворой. Обгоняя машины, вдоль тротуара проносится темнобурый верблюд. Бег его совсем не слышен: он, как кошка, ступает своими широкими мягкими лапами. Сколько раз новому человеку в Улан-Баторе приходилось удивляться этому виду транспорта. В уличной тесноте, среди машин, движутся легкой поступью эти только на вид неуклюжие животные.

Всадник спешится, зайдет в магазин за покупками, а верблюд спокойно дожидается у дверей; от деревянной серьги в его ноздре тянется тонкий длинный ремень. Верблюд — на улице, а конец ремня — в руке у его хозяина, зашедшего в магазин. Бывает, так стоят у дверей два-три верблюда.

«Это наш «москвич», — смеются владельцы животных.

У верблюда меж горбов сидят двое. Она впереди — худенькая, молодая; он сзади — настоящий богатырь: такой одной рукой ухватится за кушак и шутя посадит девушку себе на плечо. Любуется народ красивой парой. А они будто не замечают этого; изредка перекинутся словом, поглядывая на тех, кто пеший.

Миная высокое здание библиотеки, верблюд сворачивает влево, к реке. Туда же направляются автомобили, велосипедисты, всадники, пешие. На берегу быстрой горной реки Толы — окруженный нарядным забором стадион. Там оркестр играет вальс. На круглой танцевальной площадке теснота. Танцуют все, кто только может втиснуться в круг. Но вот музыка стихает, и площадка пустеет. Тогда на нее выходят два малыша года по четыре. Нисколько не смущаясь и вовсе не обращая внимания на взрослых, они уморительно топчутся на месте — танцуют вальс. Когда музыка заиграла снова, ребята уселись на край дощатого круга. И все танцующие — как ни тесно — осторожно обходят то место, где сидят малыши.

У входа на стадион — карусель, диковинное сооружение для жителей Улан-Батора. Мало кто из взрослых знает, что это такое. Первыми освоили карусель дети. Они облепили железные расписные гондолы и выглядывают оттуда, довольные, счастливые.

Толпа окружила группу стрелков из лука. Они в шляпах и в подвернутых дели — чтобы свободней были движения. Стрелки натягивают огромные луки — изящное, но далеко не простое сооружение из бычьих жил, клееного дерева и стали.

Оперенные стрелы со свистом летят к цели — пирамидке из пробок, уложенной на земле. Рядом старик — судья. Он ловко увертывается, если иная стрела летит в его сторону, и только взмахивает красным платком: стрелок промахнулся. Но вот стрела вонзается в пирамиду, и пробки разлетаются.

— Оэй-оэй! — запеваёт старый судья песню победителя, поднимает вверх обе руки и слегка пританцовывает.

Зрители одобрительно шумят. Удачливому стрелку судья бросает в шляпу горсть мелких пряников. Пирамида устанавливается на прежнем месте, и следующий стрелок, до отказа натянув тетиву, долго и тщательно прицеливается.

Борьба и стрельба из лука — любимейший спорт в Монголии.

... На утоптанной площадке — огромный мужчина в гутулах, сапогах с загнутыми носками, одетыми на голые ноги, и в красных узких трусиках; от них на плечи перекинута попонка. Лицо борца сосредоточенно. Сегодня он бросил на землю с десятков противников, теперь предстоит решающая схватка. Судья подал знак. Борец, взмахивая раскинутыми руками, легкими, плавными прыжками, точно летя по воздуху, направился к центру площадки. Вот он подпрыгнул в последний раз, низко наклонился, широко расставив ноги, опершись о колени руками и не спуская глаз с противника. Борцы смотрят друг на друга, чем-то напоминая столкнувшихся где-нибудь на степном кургане орлов, гордых, медлительных, не прощающих обиду. А около каждого важно стоит судья, держа на стлете шапку или шляпу борца. Так они будут держать головные уборы борцов, пока не закончится состязание.

Борцы что-то слишком долго присматриваются друг к другу. Тогда судьи звонко шлепают их ладонью по голому бедру. Противники схватывают друг друга за по-

гонку, встряхивают, мгновенная подножка — и один из них на земле. Борьба окончена. Победитель плывет, взмахивая руками, к трибуне, где его ждет награда, а побежденному секундант нахлобучивает шляпу, и тот без особой досады уходит в толпу зрителей.

Вот стайка девушек в легких дели. Они обнялись и идут, будто танцуют. Поглядеть на них — залюбуешься: румяные, круглолицые, черноглазые, в маленьких сапожках. До чего же малы и изящны их ножки! А яркими кушаками девушки перетянуты в талии так сильно, словно там они два вершка в обхвате. Кто ни посмотрит на них — улыбается: до того хороши девушки.

Между белыми столбами натянута сетка. Волейбольный мяч взлетает над ней. Кажется, он никогда не коснется земли — так упорны и искусны игроки. Звонит мяч под ловким ударом. Вот игрок за сеткой самоотверженно падает на спину — он успел принять мяч и дать высокую «свечку».

У выхода со стадиона на специальном стеллаже — сотни велосипедов. Их не охраняют. Всякий, уходя со стадиона, попросту разыскивает свою машину и уезжает.

Небо над городом густо синее. Солнце зашло за Богдо-ул — священную гору. Зеленая звезда мерцает над пагодой Гандана — ламского монастыря. А толпы народа на улицах не убывают. Скоро стемнеет, и тогда на площади вспыхнут голубые прожекторы, освещая народное первомайское гулянье.

В ДОРОГЕ

Двадцать километров непрерывного подъема! Машина медленно взбирается каменной дорогой, проложенной по гигантскому гранитному откосу, к изрезанному ветрами каменному гребню.

Когда начинался подъем, надо было смотреть на вершины ближайших гор закинув голову — до того они казались высокими. А преодолев несколько петель дороги, опоясавших склоны, взглянешь вниз — и дух захватывает: будто ты на самолете — широкая горная панорама открывается перед тобой. Горы, на которые вначале приходилось смотреть так, что сваливалась шапка с головы, теперь остались внизу, небольшими холмами.

Но вот желанный конец подъема. Возле дороги насыпан курган из камней вперемешку с лошадиными и верблюжьими костями. На верхушке кургана, на остром камне, блестит выбеленный дождями и солнцем конский череп. У подножия — гладкая гранитная глыба с высеченными тибетскими письменами. Это значит — подъем кончился. В Монголии нет ни одного перевала, через который идет дорога, чтобы в наивысшей точке не было кургана из камней — обо, или, как его еще называют, друга путешественников. Каждый путник, достигнув перевала, считает обязанностью положить в кучу камень. И курган растет, растет из года в год. Возле этих знаков путники спешиваются, дают отдохнуть лошадям, выку-

ривают несколько трубок и смотрят вдаль, куда им еще предстоит держать свой путь.

Дарма-Базар — лихой водитель — останавливает машину, открывает капот, чтобы остыл мотор, а сам присаживается на корточки у гранитной глыбы с древними надписями, достает из-за голенища гутулы длинную трубку и, набив ее дунзой — мелким табаком, — закуривает.

С вершины дабана, как здесь называют горы, видно далеко, но куда ни обернешься — всюду только скалы, бурые, красноватые, фиолетовые, а у самого горизонта, где они сливаются с цветом неба, — голубые.

Кажется — не преодолеть этих бесчисленных горных гряд. Спуск занимает времени не меньше, чем подъем. Загруженная до отказа машина — тут и вещи, необходимые в пути, и пассажиры, прихваченные в дороге, — грозит сорваться с узкой, размытой ручьями колеи. Нужна невозмутимость монголов-шоферов, чтобы спокойно сидеть за рулем во время такого спуска. Одно неверное движение — и машина устремится под крутой откос, усеянный острыми камнями. Но Дарма-Базар только на-

свистывает монгольский гимн — самый популярный местный мотив.

Спуск закончен. Впереди открывается просторная долина. Вправо и влево она поднимается к подножию горных хребтов. Посередине — сухое русло речки. Дорога вьется по долине, то уходя от русла, то соединяясь с ним.

Кажется, здесь нет ничего живого. Но если присмотреться внимательней, то признаки жизни быстро обнаружишь. На южных склонах холмов в сухой траве бугры свежей земли около нор — бутаны, как их называют араты. Рассматривая склоны в бинокль, можно увидеть, кто живет в этих норах. Целыми семьями бродят в траве зверьки, очень похожие на сусликов, только крупнее и потемнее цветом. Если почва вокруг нор песчаная, светлая, то и шкурки зверьков светлорыжие; если почва каменистая, серая, то и шкурки сероватого оттенка. У зверьков хорошо проявляется защитная окраска.

Все они необыкновенно жирные — настоящие мешки, набитые салом, — неуклюжие, на коротких лапах и с короткими, как бы обрубленными хвостами. При каждом шаге зверька хвост его поднимается вверх, а затем шлепается об землю. Сколько раз зверь шагнет, столько раз хлопнет хвостом об землю.

Некоторые из них садятся на задние лапы и осматриваются по сторонам. При этом они стучат хвостом об землю, как будто требуя внимания, и пронзительно свистят, а иногда издают звук, напоминающий собачий лай. При малейшей опасности зверьки бегут к норам, скрываясь в них по очереди: сперва молодые, а последними — старики-сторожа.

Этих крупных грызунов — сурков — в Монголии называют тарбаганами. Мясо их для арат — лакомство, шкурка — ценное пушное сырье. А тарбаганий жир обладает удивительным свойством: растопленный, он остается жидким даже и на холоде; население приписывает ему целебное действие.

Охота на тарбаганов — любимое занятие арат. Лучший сезон для этого — осень. Тарбаганы отъедаются, делаются необычайно жирными, а шкурки их приобретают красивый буро-рыжий оттенок.

Охота на этих грызунов своеобразна. Охотник надевает на голову кусок шкуры волка, в руки берет пучок конского или сырлычьего волоса. Наметив издали жертву, он приближается ползком, то раскачиваясь и вскидывая голову, то взмахивая пучком волос.

Охотник, казалось бы, ведет себя совсем не осторожно, а тарбаган не прячется в нору. Наоборот, он садится на задние лапы, распрямив свое жирное туловище, и с явным любопытством вертит головкой. Остается с полсотни шагов. Охотник быстро прикладывается и стреляет. За любопытство зверек расплачивается жизнью.

Машина несется по ровной дороге; в ней полно спальных мешков,дох — лежать мягко, спокойно. В кабине жарко, но в кузове обдувает ветром. Остановится машина — и сразу чувствуешь монгольское солнце. Оно припекает, будто через гигантское увеличительное стекло. На дороге неподвижная почтовая машина (отказало динамо). Человек двадцать пассажиров разлеглись на земле, в тени от машины. Рядом, на озере, дикие утки копошились в воде под тенью от высокого берега, заросшего камышом.

Солнце палит так, что, кажется, спички в кармане вот-вот вспыхнут, а воздух остается холодным; немножко тени — и уже прохладно. В юртах целый день прохладно, особенно если войлок приподнят и сквозь деревянную решетку тянет сквозняк. Взглянешь на такую юрту издали — страшно делается. Кругом, куда хватает глаз, —

каменистая пустыня: ни дерева, ни кустарника; стоит одинокая серая юрта с черной железной трубой, из нее вьется струйка дыма. И кажется — давно уже сгорела юрта, а это только груда серого пепла, тронь его — и рассыплется в прах.

Подъезжаем к одинокому жилью, входим в низкую дверь и попадаем в блаженную прохладу. Навстречу поднимаются с приветствиями хозяева. Чай кипит в котле на очаге. Садимся на ковер. Хозяева не спрашивают приезжих, кто, откуда, протягивают пиалы, наполненные соленым чаем с молоком. Сперва чай, потом разговоры.

У хозяев внимательные глаза: что скажут приезжие. Кстати, об этих глазах. Их радужные оболочки черны до такой степени, что не различишь зрачка, а иногда и вовсе глаз не видишь. Природа позаботилась, чтобы они были хорошо защищены от ослепительного солнца. Нависающие верхние веки оставляют только узенькую щелку. Как задиафрагмированный объектив фотоаппарата, монгольские глаза видят резко и далеко.

Скалы горных вершин, отполированные ветром, отражают свет, как бесчисленные зеркала. Пустынный пейзаж цветет яркими пятнами. Прикроешь глаза — и серая земля становится розовой, а блестящая, накатанная автомобильной резиной дорога — серебристо-голубой. А что делается вечером, когда зайдет солнце, потухнут оранжевые лучи! До темноты остается с полчаса, наступают сумерки. Небо густосинее, а зелень коричневая и красная. На юртах желтые и голубые блики, ни одного серого, черного или белого пятна. Обыкновенный огород кажется площадкой из золота, покрытой самоцветными камнями. Смотришь на небо — и вдруг различаешь фиолетовых птиц, построившихся в треугольник. Стая гусей спешит на ночную кормежку. Наступает темнота.

Дремлешь в машине, убаюканный ее ровным ходом. Спят и спутники — монгольские товарищи.

Вдруг один из них вскакивает:

— Смотрите, дзерены! ¹

Вот они, монгольские задиафрагмированные глаза! Ничего не видно в колеблющемся мареве пустыни, а монголы уже считают, сколько дзеренов. Справа от нас стадо светлосерых животных. Издали их невозможно уловить глазом. Но мы наверняка их догоним. Дзерены, встречающиеся здесь целыми стадами, стремятся обязательно обогнать машину и пересечь дорогу. Так и теперь — антилопы норовят пересечь нам путь. Бегут они быстро: машина делает не менее сорока километров в час, но заметно к ним не приближается. В тот момент, когда вожак метнется через дорогу, все стадо круто повернет за ним. Так и есть. Вот дзерены круто сворачивают влево. До них остается сто, восемьдесят метров. . .

Шофер дает сигнал. Дзерен-вожак, словно подброшенный пружиной, прыгает вверх и летит несколько метров, поджав ноги и вытянув шею. За ним прыгает все стадо. Проходит всего несколько секунд — и антилопы уже далеко. Они остановились и все как одна смотрят вслед нашей машине.

УТРО В ГОБИ

На юг от Баян-сомона начинается Шаргаин-Гоби — желтая пустыня. Здесь всё — почва, камни, горы, даже растения — желтовато-красное. Пройдет машина — и за ней встанет столб красноватой, медленно оседающей пыли.

Много километров надо проехать по безводным долинам, пересечь скалистое взгорье и спуститься к озеру. Оно издали сияет под восходящим солнцем, как большая глыба нерастаявшего снега. Но напрасно путники, истомленные жаждой, будут спешить к берегу водоема. Озеро это без воды, дно его покрыто толстым слоем бело-розовой соли, крупные кристаллы ее блестят алмазами.

¹ Д з е р е н — степная антилопа.

Надо обогнуть озеро и проникнуть в ущелье; его не сразу отыщешь в скалах — до того оно узкое. Высокие отвесные стены образуют извилистый коридор — русло древней реки, — глубокий и темный, как степной колодезь; отсюда взглянешь вверх и на полоске темносинего неба даже днем увидишь звезды.

Ущелье кончилось. Впереди гладкая, словно укатанная, обширная долина — ни рытвины, ни бугорка. По такой местности можно ехать с любой скоростью — машину не шелохнет. Редкие травы растут здесь низкими круглыми, как тарелки, колониями — на квадратном метре не больше одной тарелки, — а между ними — мелкий щебень. Суровый климат, бедная влагой почва заставляют растения бороться за существование не в одиночку, а в тесном сообществе. И зеленая часть растений переплетена так густо, будто все они — только листья одного ствола, и корни сплелись в один пучок, глубоко, на несколько метров, проникающий в землю. «Один — за всех, все — за одного», — говорят араты про такую траву.

С юга долину обрамляет гряда высоких красных гор, а над ними — купол вечных снегов, одна из вершин монгольского Алтая. Кажется, совсем рядом — за ближайшей горой — лежит этот снег, и странно видеть его среди красных скал. Но десятки долин и горных перевалов проедешь, а снежный купол останется все таким же и близким и далеким.

Едва приметная уртонная тропа вьется по откосу к подножию гор. Въехать на этот откос — и за ним откроется новая долина, круглая и глубокая. На дне ее несколько глиняных домов и десятка два белых юрт. Это поселок — центр Тонкил-сомона. Около поселка, в камнях, течет ручей — первый ручей на пути за много часов поездки на машине.

На окраине поселка — большая, двенадцатиханная юрта сомонного управления Хана — это решетка из гибких ивовых прутьев, скрепленных сыромятными ремнями

вместо гвоздей. Скреплены перекладыны так, что их можно сдвигать, и тогда получается пучок прутьев, его удобно привязать к горбу верблюда. А перекочевал арат на новые пастбища, снял с верблюда пучок прутьев, раздвинул его — и получилась решетка длиной метра в два и высотой в полтора метра. Пять-шесть таких решеток свяжет арат крепким ремнем или волосяной веревкой в круг, укроет войлоком — и за полчаса готово его легкое и теплое жилище, юрта. Так араты и обозначают размеры юрт: пятиханная — малая, восьмиханная — большая, а двенадцатиханная — целый степной дворец; в такой юрте помещается учреждение.

Возле большой юрты стоит грузовая машина, вокруг — толпа арат. Собралось все население сомона, приехали араты с окрестных кочевий. Съехалось так много всадников, что у коновязи негде ступить — заседланные лошади стоят плотной стеной. Их голов не видно, только конские хвосты яростно отгоняют мух.

Спиной к юрте сидит русский человек — ветеринарный врач, рядом — переводчик. Это их машина около палатки. Не первый уже месяц разъезжают они по отдаленным кочевьям, оказывая помощь скотоводам в пору весеп-

него ягнения овец. Много дней врач провел на пастбищах Тонкил-сомона. Ранней весной не все травы растут одинаково быстро. Бывает так, что пастбище покроеется ядовитой растительностью, прежде чем поднимутся полезные травы. И тогда изголодавшиеся по зеленому корму животные, наевшись ядовитых трав, падают на землю в судорогах.

Араты в дальних кочевьях объясняют это по-своему. В здешней местности есть огромная пещера; в ней, как говорило поверье, живет злой дух — хозяин пастбищ. Если весной его не умилоstitь, он разгневется — и тогда жди беды. Поползет из пещеры серый, как дым, туман, закроет пастбища вместе со стадами, и к вечеру араты недосчитаются в своем стаде многих животных: они останутся лежать на склонах гор с раздувшимися животами.

Врач ездил к этой пещере. Он увидел перед входом в нее глубоко врытую в землю каменную глыбу, а на ней — выветрившееся, едва различимое изображение в самом деле злобного лица. У подножия глыбы на гладких камнях лежали чьи-то приношения: куски сухого творога, сахар, чашка с овечьим молоком, моток ниток, пучок овечьей шерсти, нитка бус.

Арат, который вызвался проводить врача к пещере, кивнул на творог и молоко.

— Не жрет, чорт, — сказал он с огорчением про духа: — шибко, видно, обиделся!

И врачу пришлось не только лечить заболевших животных. Он побывал во всех здешних хотонах¹, собрал ядовитые травы, показал аратам настоящего «злого духа», который губит их овец, и рассказал, как навсегда от него избавиться:

— Выбирайте те пастбища, где нет таких трав, и скот будет здоровым.

¹Хотон — группа аратских хозяйств.

Теперь по инициативе сомонного управления араты собрались на последнюю беседу. Они узнали, как зовут врача. Почему-то больше всего им понравилось его отчество.

— Лукич, в каких долинах можно пасти скот?

— Лукич, а в колодцах вода хорошая?

— Лукич, Лукич!.. — то и дело обращаются к нему араты.

Врач и его переводчик загорели дочерна, лица их так же темны, как и у всех собравшихся в круг. Одно отличает русского: у всех волосы черные-пречерные, а у него светлые, как солома.

Беседе не видно конца.

Встает старый, уважаемый в округе арат. Лицо его в глубоких морщинах, тяжелыми, нависшими веками прикрыты глаза, но голос ясный и звонкий — издали крикнет арат на отару овец, и животные, услышав привычный голос, послушно останутся.

— Весна — пора расплода скота, — говорит арат. — Ты, Лукич, видел аратскую заботу о молодняке? Расскажи нам, как работают скотоводы Советского Союза.

— Советская страна большая. Я расскажу вам, — отвечает врач, — о жизни колхозных животноводов тех областей, что прилегают к границе Монголии.

Араты слушают внимательно, не прерывая рассказчика. Ему и переводчик не требуется. Месяцами разъезжая по кочевьям, проводя вечера в долгих беседах с аратами, врач давно уже привык к монгольской речи. Только изредка он обратится к переводчику: как правильнее сказать это слово?

— А сколько ягнят приносят у вас овцы?

— На севере есть такие, что и по пять ягнят придется на матку за год.

— О! — восклицают удивленно араты. — У нас двойневые ягнята и то редкость.

— Длинная ли шерсть у ваших овец? — спрашивает другой.

— Лучшая тонкая шерсть, вот с ладонь, — показывает врач.

— Ну, это не слишком длинная, — замечает кто-то. — В моей отаре есть овцы, так у них шерсть — и двух ладоней не хватит!

— Да. Но зато она грубая. А ценится тонкая шерсть. Вот на вас, отец, дели; оно шито из коверкота. Отличный материал! Сделан он на фабрике из шерсти тонкорунных овец.

— Вот бы нам таких овец! Можно ли купить их в вашей стране?

— Конечно, можно. Да такие овцы есть и в Монголии, в государственном хозяйстве, что в Селенгинском аймаке. Их там несколько тысяч.

Старый арат, который интересовался опытом советских чабанов, достает из рукава записную книжку.

— Как называется госхоз? — спрашивает он. — А! Слышал, туда араты из нашего сомона за бургасом¹

¹ Бургас — местное название ивняка.

для хан ездили. Бургас привезли, а самое ценное, выходит, забыли захватить. Теперь-то уж не забудем!

К врачу подходит молодой пастух. Рослый, широкий в плечах, с густым румянцем на скулах — настоящий богатырь. Юноша смущен. Он мнетя, ожидая подходящего момента для вопроса, и наконец запускает руку за пазуху, достает оттуда не то траву, не то корешок лилового цвета, молча протягивает его врачу, поспешно возвращается в круг и садится на свое место.

Врач озадачен. Он вертит в руках странное растение и ждет вопросов. Молчаливого богатыря подталкивают соседи — чего робеешь, спроси! Богатырь краснеет, закрывается лисьим малахаем, но вдруг решительно встает.

— Это Гойо, — говорит он и опять садится.

Кругом смеются, потому что слово Гойо ничего не разъяснило врачу, и все замечают это. Он не знает, что такое Гойо, а парень не сумел сказать того, что хотел. На помощь молодому арату приходит девушка. Она встает — словно цветок поднимается из земли — в яркопунцовом дели, перетянутая зеленым кушаком; круглое миловидное

лицо ее цветет румянцем — то ли оно уж от природы такое, то ли отражает цвет дели. Девушка сочувственно поглядывает на парня и бойко говорит:

— Мы с ним пасем отары в одной долине. А вчера нашли в песке много Гойо — целую сотню. Вот он их и собрал. Говорит: покажу их малихимчи¹, пусть посоветует, как ими лечить скот. Попробуйте, Лукич, — предлагает девушка врачу, — они сладкие, — и, достав из-за пазухи такой же лиловатый корешок, откусывает кусочек ослепительными, как белый фарфор, зубами, разжевывает его и вопросительно смотрит на озадаченного врача.

Тот тоже откусывает. Все внимательно следят за его лицом: что скажет ихимчи?

А девушка смотрела, смотрела на жующего врача и вдруг звонко рассмеялась, махнула ему маленькой ручкой — не бойся, не отравишься! — и села рядом со своим богатырем.

Врачу помогает переводчик. Оказывается, растение Гойо богато вяжущими веществами, из него можно делать лечебный настой для овец.

С Гойо покончено. Теперь новый, совсем неожиданный вопрос:

— Если верблюд ночью вспотел, что это значит?

— Стало быть, — отвечает врач, — на нем работали.

— Вот видите! — восклицает один из присутствующих. — Что я говорил!

Начинается горячий спор. О чем? Сразу не поймешь. Кто-то у кого-то взял без спросу верблюда и ночью ездил на нем. Владелец верблюда гневно кричит:

— Неправильно! Нечестно! Почему не спросил? Разве я отказал бы когда-нибудь?

Его поддерживают остальные. Виновный тоже не воз-

¹ М а л и х и м ч и — ветеринарный врач.

ражает. Он пытается пожать руку обиженному соседу, помириться.

— Возьми моего верблюда! — упрасивает он; ему явно неловко перед приезжим русским человеком. — Возьми хоть на неделю. Ну о чем разговор!

— Теперь согласен! — не унимается пострадавший. — А все время не признавался. Нечестно!

Переводчик улыбается. Беседа неожиданно отклонилась в сторону, но она быстро возвращается к прежней теме.

— Лукич — опытный ихимчи! — говорит, успокаиваясь, владелец злополучного верблюда. — Сразу правильно сказал. Вот! У кого еще вопросы есть?

Слова его тонут в общем хохоте. Он и сам хохочет и уже миролюбиво хлопает своего обидчика по спине.

Говорит еще один арат:

— Трудная работа — стричь овец. Мы с женой в день остригаем десятка полтора овец, не больше. А стричь надо быстро. День задержался — много шерсти потерял. Шерсть же, сами знаете, — наше золото. Хорошо, если соседи помогут, а если нет? Скажи, Лукич, сколько овец за день стригут в Москве?

— В Москве-то не стригут. А в колхозах чабаны теперь пользуются больше электрическими машинами, чем ручными ножницами. За день машиной можно снять шерсть с целой отары.

— Целую отару, шестьсот овец? Вот это работа! Нам бы такую машину.

— Такие машины есть и в Монголии. Только одному хозяйству не под силу ее купить. Вот аратскому объединению — дело другое.

— А как эта машина работает?

Врач рисует чертеж машины мелом на ученической доске, принесенной из сомонной школы. Все следят за его рукой. Смолкли.

В тишине слышится бешеный конский топот — ближе,

ближе. . . К юрте подскакивает взмыленный бурый конь, на нем юноша в распахнутом дели, без шапки. Всадник осадил коня и, не слезая, подъехал вплотную к юрте. Наклонившись с седла, он протягивает врачу записку:

— Беда у нас, ихимчи. Читай бичиг.

Записку прислал сомонный ветфельдшер. Нужна срочная помощь: в хозяйстве арата Лхамосуруна заболел скот.

— Сейчас и поедем, — говорит врач. — Садись, гонец, в машину — дорогу покажешь, а коня поручи кому-нибудь из знакомых.

К врачу подходят хозяйка и хозяин той юрты, где он ночевал. Они ведут двух черноголовых рослых овец.

— Возьми, ихимчи, в подарок. Хорошие молодые матки — от них у тебя целое стадо будет.

— Возьми, возьми, ихимчи! — говорят окружившие их араты. — Пригодятся в твоём хозяйстве.

— Спасибо! — улыбается светловолосый врач. — Еще не скоро я попаду в свое хозяйство, да и нет в нем скота. Мое хозяйство — книги и лекарства.

— Жене своей возьми, — раздаётся нежный голос девушки в красном дели. Она подошла близко к врачу и встала у него за спиной.

— И жены у меня пока еще нет, красавица, — обращается врач.

Все смеются.

— Так что, дорогие друзья, — говорит ветеринарный врач, — сохраните-ка этих овец в своем хозяйстве до будущей весны. Через год приеду — посмотрим, сколько они вам ягнят принесут. Ну, до скорой встречи, будьте здоровы!

Машина взбирается на откос. Белую сомонную юрту уже еле видно. Но араты не расходятся, они все еще смотрят вслед машине. А девушка в красном дели в который уже раз взмахивает рукой.

ТУМОР-БАТОР — ЖЕЛЕЗНЫЙ БОГАТЫРЬ

— Что нового?

— Ничего.

— Как здоровье?

— Хорошо.

— Жирен ли скот?

— Жирен.

— Хороши ли пастбища?

— В этом году отличные.

Так беседовали хозяин юрты и гость. Пока не иссякли вопросы, остальные молча слушали и не торопясь покуривали трубочки. Хозяева юрты и приезжие давали друг другу свои раскуренные трубки. Хозяйка хлопотала у очага. В котле уже закипал густой, жирный, соленый чай. Какое удовольствие — расправить затекшие ноги, растянуться на кошме, отдохнуть после целого дня, проведенного в пути!

Чай уже выпит. Беседа непринужденно текла под шорохи засыпающего стада овец, окруживших юрту живым белым кольцом.

В юрте — гость, глубокий старик из дальнего сомона. Он возвращался домой от родных, а родные живут за добрых четыре уртона. Но сто двадцать километров — пустяк для старого Чоя. Едет он не торопясь, завертывает по пути в юрты, сам рассказывает, других слушает, и теперь, как он говорит, его седельная сумка полна новостями.

Вот и сейчас беседой завладел Чой. То и дело набивая маленькую железную трубочку и ловко прикуривая от уголька, который он спокойно держал между большим и указательным пальцами, Чой рассказывал о Тумор-Баторе, сыне арата Чойджила. И слушали его присутствующие не отрываясь; то, что произошло с сыном Чойджила, может быть в каждой аратской семье.

— Все вы знаете, — рассказывал Чой, — еще зимой

араты восьмого бага¹ решили соединить своих лошадей, чтобы по очереди охранять общий табун на пастбищах в самое трудное время после белого месяца — пору весенних снегопадов. Ветры часты, граница рядом — того и гляди, поднимется шурган и угонит табун в чужую страну. Так случалось ведь не раз.

Слушатели дружно кивали головами: случалось.

— Кто остановит тогда табун? Не всякий арат возьмется: опасное это дело. Лошади — звери, не разбирают, что у них на пути. Их гонит снежный буран — могучий и жестокий пастух. . .

Чой выбил трубочку о подметку сапога и заложил новую порцию табака.

— И случилось так, — продолжал он, — во время дежурства семьи Чойджила, когда лошадей охранял Тумор-Батор, — снежный буран застиг объединенный табун в открытой долине. Тумор-Батор не успел увести его в горы, чтобы переждать непогоду в одном из ущелий. Метель погнала табун на юг. Лошадь, на которой сидел Тумор-Батор, перестала слушаться поводыев. Какие там поводыя! У двух тысяч лошадей в таких случаях одна безумная голова. Сначала Тумор-Батор думал, как бы живым остаться, как бы его лошадь не споткнулась. В бешеной скачке всадник на спине — большая помеха коню. А упали лошадь — арату верная смерть. . .

Хозяйка юрты тихо подошла к светильнику и поправила его. Он разгорелся и ярче осветил внимательные лица, обращенные к рассказчику.

— И подумал тогда Батор: остановлю-ка я табун. Вспомнил он — на пути табуна должен был встретиться старый разрушенный монастырь. А лошади могут остановиться как вкопанные, если перед ними окажется поселок. Так старики говорят.

— Правильно, Чой, — сказал кто-то из слушателей.

— Каждый знает, что тут надо делать, а не всякий

¹ Баг соответствует сельсовету.

сумеет. А Батор сумел. Он погнал своего скакуна что было сил. Надо было ему встать в голову обезумевшего стада. Ох, хорош скакун у Батора! Сколько призов на нем брал молодой арат на праздниках Надома! И в беде сослужил он верную службу. Конь Тумор-Батора обогнал табун. Лошадь, как говорят араты, повела табун. Споткнись, упади она — и смелый арат погиб бы. . .

Кто-то из слушателей охнул. Хозяйский сынишка крепче прижался к отцу и с головой накрылся дели.

— Сколько долин промелькнуло, сколько перевалов осталось позади — арат не помнил. Тумор-Батор заставил свою лошадь слушаться повода и стал сворачивать в сторону, к развалинам монастыря.

Чой заткнул трубку и зеленый шелковый кисет за голенище и с минуту помолчал.

— Случилось, что табун остановился. Весь день и всю ночь продолжался шурган, и все это время молодой арат без сна и без пищи пробыл около спасенных лошадей. На второй день шурган стих. Тумор-Батор погнал табун обратно. Там, на дороге, его встретили араты, отправив-

шиеся на розыски. Вот какой сын у Чойджила! — заключил старый Чой.

Ни шумных восторгов, ни громкого обсуждения расказа не последовало. Слушатели только все разом закурили трубки. Хозяйка вынула из котла дымящиеся куски баранины, уложила их на блюдо и поставила перед собравшимися. Ужинали в полном молчании.

На следующий день — снова в путь. Мелкий щебень шуршал под колесами машины, местность ровная, как стол. Дороги не было, но она и не нужна. Чой сидел рядом с шофером и, как опытный штурман, указывал путь из долины в долину.

Хотя была только еще половина мая, но стояла уже сильная жара. Горячий ветер иссушал почву, и без того почти лишенную влаги. Все живое изнемогало от жары.

На дне узкой долины отара овец сбилась в кучу. Животные попрятали головы друг другу под живот, тяжело дышали — на них еще зимняя шерсть. Ягнята, разморенные жарой, растянулись на земле, как мертвые. Издали отара казалась кучей белого хлопка, сваленного на землю. Но стоит крикнуть — овцы испуганно поднимают головы и белое пятно покроется черной рябью. У всех овец, как у одной, туловище белое, без единого пятнышка, а голова — черная. Это монгольские овцы, одна из лучших пород среди грубошерстных. Пастуха около отары не было; он сидел где-нибудь в скалах, в тени.

В полдень внезапно налетел вихрь. Поднял над долиной тучу серой пыли, смешанной с мелкими камнями, завертел ее над овцами, затрепал нежную шерстку на перепуганных ягнятах, засвистел в скалах. Сразу похолодало. Из-за ближайшей горы выползло свинцовое облако, закрыло солнце, и вдруг в воздухе замелькали снежинки. Все чаще, чаще — и вот уже понеслась густая масса сухого, легкого снега. Сказочно быстро вернулась зима. В долине завывала настоящая снежная выюга. Потемнело — в десяти шагах нельзя различить всадника.

Около отары появился пастух. Верхом на маленькой лохматой лошадке юноша лет восемнадцати с повадкой опытного пастуха объезжал отару, направляя ее по ветру, ближе к скалам. За спиной у него висел войлочный мешок, а из мешка торчали черные головки новорожденных ягнят.

В этой долине, где так внезапно выпал снег, кочевал арат Чойджил. Его юрту, укрытую в узком ущелье, с трудом разыскал даже такой искусный следопыт, как старый Чой. Собаки — большие, лохматые — свирепо набросились на приезжих. Из юрты вышла хозяйка, ответила на приветствия, успокоила собак и отошла от двери, ожидая, когда гости войдут в жилище.

Каждому из приехавших хозяин и хозяйка подавали сразу обе руки ладонями вверх. Все уселись вокруг очага на кошму. И опять:

— Что нового?

— Ничего.

— Как здоровье?

— Хорошо.

Хозяйка готовила чай. Пока гости не выпьют чаю, деловой разговор начинать не полагается.

У арат существует всеми почитаемый закон гостеприимства: каждый путник, зашедший в юрту, — гость. А русского человека считают за особого гостя, потому что в юрте у Чойджила, так же как и у его соседей, русский никогда еще не бывал.

Гости сидели перед очагом в кругу семьи хозяина. Остальную часть помещения заняли соседи. Их набралось много; просто непонятно, как могла небольшая аратская юрта вместить столько народа! Отовсюду смотрели из-под нависших век внимательные, изучающие глаза. Дети, мужчины, женщины, глубокие старики — все с любопытством разглядывали приезжих, ждали начала беседы, чтобы узнать, кто приехал и зачем.

Переводчик спросил:

— Чей это молодой пастух был застигнут выюгой с отарой овец?

Чойджил положил руку на голову сидящего рядом с ним юноши — он успел пригнать отару и пробраться в юрту:

— Вот он, наш Тумор-Батор!

Выпив очередную пиалу чая, хозяин юрты задумался, глядя на тлеющие угли очага. Потом неторопливо набил железную трубочку табаком, прикурил и втянул дым через длинный мундштук из белого камня.

— Русский человек хочет знать, как живут араты? — спросил Чойджил. — Пусть он узнает про наших сыновей. Вот какой сын у соседа Тумендембрила. Зовут его Доржи.

И Чойджил начал рассказывать не о себе, а о семье соседа.

Однажды зимой Доржи возвращался из сомонного центра в свою юрту. Он достиг призывного возраста и ездил в сомон, чтобы пройти комиссию и получить направление в воинскую часть. Все закончилось благополучно, за пазухой лежал бичиг — направление в полк. Доржи стоял в стременах и пел длинную песню, которой ему хватило бы до самого дома. Надо было проехать с уртон. Для монгольского коня, хотя он и мал ростом, такое расстояние — пустяк. Поэтому Доржи выехал перед закатом солнца, рассчитывая к ночи добраться до своего ксчевья.

Проехал он не более четверти пути и встретил стаю волков, а через некоторое время — вторую. Стаи направлялись к одному месту — к небольшой горе посередине долины. Доржи решил узнать, что привлекло волков.

Свернув с тропы и пустив коня карьером, он вскоре был у подножия горы и сразу же наткнулся на стадо овец и коз, забредшее в горы без пастуха.

Наступила ночь. Гнать стадо к юртам Доржи не мог — в темноте разыскивать чужие кочевья трудно. Бросить стадо в горах тоже нельзя — близко волки. Они уже по-

давали голоса. И молодой арат остался около скота. Он был без оружия, легко одет; всю ночь проходил вокруг отары, не дал разбрестись животным, криками отгонял волков.

Утром, когда взошло солнце, Доржи влез на вершину горы и увидел всадников. Араты из соседнего аратского объединения разыскивали заблудившихся овец. С рук на руки отдал он владельцам отару и продолжал путь к своему кочевью. Вот и всё.

— Почему Доржи рисковал жизнью, чтобы сохранить скот, ему не принадлежащий? Что же тут удивительного! Скот — аратского объединения, а мы уже подали заявление о приеме в артель. Араты очень любят скот — это наше богатство. Разве его можно бросать!

И Чойджил потянулся за пиалой с чаем.

Утром машина выбралась из долины, где накануне бушевала пурга, на ровную дорогу, и шофер прибавил скорость.

Вдали, рассыпавшись по склону холма, паслась отара овец. От нее отделился всадник и поскакал к дороге. Казалось невероятным, чтобы верховой мог нагнать машину: спидометр показывал сорок километров. Но через несколько минут сбоку от дороги наравне с машиной уже скакал бурый мохнатый конек, а на нем стоял в стременах и улыбался Тумор-Батор.

Пришлось остановиться. Тумор-Батор присел на корточки у колеса и выкурил папиросу. Потом подошел к переводчику:

— Обязательно заезжайте в юрту Доржи. У нас побывали, теперь к нему. Иначе ему будет очень обидно. Заедете? Вот хорошо! И еще: дай адрес. Учиться думаю. Придет время — в Москву письмо вам напишу. А может быть, и сам приеду. Правильно сказал? Баярте!¹ — крикнул Тумор-Батор, взлетел в седло и поскакал к отаре.

¹ Б а я р т е — прощальное приветствие.

Над лесистым краем дабана выглянуло солнце. Его с каждой секундой больше. Вот уже видна половина красного шара; стоит отвернуться, глядь — и все оно, огромное монгольское солнце, всплыло в зеленом небе над горой.

В темном ущелье, густо заросшем лиственницей в обхват, горной березой и лохматой сосной, в предчувствии окончания тока с новой силой заворковали косачи. Заверещали на вершине кедра две белки, не поделившие одну лакомую шишку, подрались и, уронив шишку на землю — ни тебе, ни мне, — разбежались.

В просторной долине начался один из апрельских дней. В самой широкой ее части, на черном прямоугольнике пашни, фыркнул дымком заведенный трактор. В другом конце поля пустили дымовые кольца второй, третий трактор. Спугнутая их гулом стая гусей, расхаживавших по следам сеялки в поисках зерен, взмыла и треугольником потянула через гору к болотам.

На бочке с горючим, поставленной на-попа среди поля, сидел бригадир тракторной бригады Лубсан. В малиновом атласном дели, франтовски подпоясанный куском зеленого шелка, бригадир набивал дунзой уже пятую трубочку и курил, курил, погруженный в глубокую задумчивость.

— Рано еще сеять, как говорит агроном, или в самый раз, как говорит директор госхоза? Кто их разберет?

Первый трактор поравнялся с бочкой. Маленький тракторист — весь в масле и копоти, хотя не сделал еще и одного гона, — помахал крошечной рукой и неожиданно тонким, девичьим голосом крикнул:

— Эй, бригадир, проснись! У меня второй подшипник стучит, что делать будем?

Трактор вела девушка Сурен.

Лубсан только махнул рукой: поезжай, дескать.

— Хуже будет: на том конце гона расплавится — тебе же дальше идти придется. Иди послушай.

Бригадир положил ногу на ногу, в полном пренебрежении к противопожарным правилам постучал о подметку гутулы трубкой, отчего из нее вылетела и рассыпалась искрами зола, и не торопясь заложил новую порцию дунзы. Пошарив за пазухой, он достал коробку спичек, потряс ее около уха и, убедившись, что спичек нет, опять задумался.

— Спички есть? — лениво бросил он.

— Есть. Иди дам.

— Принеси сюда.

— Эх, Лубсан! Вон едет наш агроном, скажу я ему — задаст он тебе.

Вдоль свежей борозды к трактору направлялся всадник. Юноша в стареньком деди, без шапки, свесившись с седла, пристально рассматривал борозду, оставленную плугом. Около трактора он спешился и присел на корточки над бороздой. Его конь втянул с храпом дым от трактора, с опаской покосился на машину и вплотную подошел к хозяину. А тот копошился в борозде.

— Не годится такая пахота, никуда не годится! — ворчал юноша, растирая землю в руках.

Бригадир подошел к трактористке, прикурил, вместе с ней подошел к агроному и тоже присел на корточки.

— Что не годится, Дамдин? — спросил он.

— Работа твоя никому не нужна такая, вот что, — отвечал агроном. — Впустую сеешь.

— Как — впустую? Директор говорит: сей, Лубсан, быстрее, а то выговор получишь.

— А я говорю, — Дамдин бросил землю в борозду, — сеять нельзя: влаги в земле мало. Зимой снега не было, весной дождей не было, откуда влаге взяться? Только наклонется зерно — и засохнут его нежные ростки. Ничего не взойдет на этом поле, кроме сорняков.

— Что же делать?

— Ждать надо.

— А директор говорит — ждать нельзя. Поздно по-

сеешь — в августе заморозки убьют зеленый хлеб, урожай весь пропадет. Что лучше?

— Самое лучшее — большой урожай! — сказал Дамдин. — И на этом самом поле его получить можно. Только дело знать надо, а не выговоров бояться.

— А она не совсем сухая, — заметила трактористка, поднося к лицу пригоршню земли, как будто собираясь попробовать ее на вкус.

— Лучше бы совсем была сухая, — махнул рукой Дамдин, — тогда и я сказал бы вам, как директор: сейте! Зерно лежало бы до первых дождей непроросшим. А теперь тронется — и погибнет. А дожди в нынешнем году будут ранние; две недели подождать — тогда только посевай сей!

— Откуда ты знаешь про дожди, колдун? — усмеялся Лубсан.

— Старики так говорят. — Дамдин вставил кончик гутулы в стремя и легко поднялся в седло. — Убирайте с поля тракторы, сеялку, скоро шурган будет.

Лубсан посмотрел на ясное небо, прищурился на солнце и с сомнением покачал головой:

— Шургану откуда быть? А вот выговор с таким колдуном обязательно получишь... Давай, Сурен, газуй дальше, — махнул он рукой трактористке.

Но работать не пришлось. Еще не скрылся из глаз Дамдин, шагом пустивший коня взбираться на перевал, а на западе, из-за горной гряды, встала серая туча. Подул холодный ветер, поднимая с поля пыль и сухую, прошлогоднюю траву. Солнце закрыли низкие, бегущие облака. Посыпал сначала мелкий снег, а потом повалили крупные хлопья, да так густо, что и в десяти шагах ничего не видно.

— Сурен, Сурен! — кричал бригадир, как впотьмах, крутясь по полю на лошади. — Где ты?

— Давай ко мне! — кричала где-то девушка.

— А где ты?

— Тут я, под трактором.

В седле — Лубсан, позади него — тракторист со второго трактора, а сзади них на круп мохнатой маленькой лошади взобралась Сурен. Зажмурив глаза от снега, лошадь брела в гору — туда, куда недавно уехал Дамдин. А всадники, отвернув головы от ветра, ругали погоду, директора и Дамдина.

— Наколдовал-таки колдун пургу.

— Этот Дамдин погоду чувствует, словно старый волк.

— Может быть, пока несет шурган, договорятся они с директором, сеять нам или не сеять.

На следующее утро тетерева в лесу не токовали. Огромные листовенницы гнулись под напором ветра, на опушках росли сугробы, засыпая с верхушками молодые сосенки, среди которых еще вчера бились косачи. Все живое попряталось. Весенняя пурга разыгралась так, как не бывало и зимой. Сугробы намело и на поле. Под снегом стояли и тракторы, и сеялки, и бочка с горючим. Прошел день, второй, третий, а пурга мела и мела, и, казалось, не было ей конца.

... Наступил май. На том же черном прямоугольнике снова гудели тракторы. Лубсан опять сидел на своей бочке. Только теперь она стояла уже не на целине, а на мягкой, разделанной земле. Прямоугольник пашни занял всю долину, работа подходила к концу. Теперь уже Дамдин торопил бригадира и трактористов.

— Быстрее, быстрее, ребята! — приговаривал он, следуя за машинами на своем коне. — Наступило самое нужное время. Я привез фары к тракторам — будем сеять ночью, чтобы к утру кончить. Эй, Лубсан, направляй Сурен с ее трактором на тот кусок, где ты раньше посеял! Пройдемся по нему еще раз — неплохо будет.

Дамдин остановил в борозде гусеничный трактор.

— Стой, Галсан! — скомандовал он трактористу. — Почему не следишь за глубиной? Сколько раз говорил тебе: мало того, что пережигашь горючее, — урожая не будет там, где ты пашешь.

— Почему, Дамдин? — удивился тракторист. — Приказ велит пахать глубоко. Все трактористы в нашем госхозе так пашут, в любой долине.

— В другой долине можно, а здесь нельзя. Слезай, Галсан. Смотри мерь, — убеждал агроном, — какая глубина? Десять сантиметров. А ты еще такой же слой камней выворачиваешь и мертвой землей засыпаешь плодородную почву. Снижай глубину, иначе никакого урожая не получить на твоём участке.

— Так ведь приказ. . .

— В каждой долине, на каждом десятке гектаров надо на свою глубину пахать. Старый Тумен так говорит.

Вдали показался всадник. Он размахивал кнутом и пел длинную степную песню, такую длинную, что начал он ее, наверно, еще на усадьбе госхоза.

— Счетовод едет из конторы, — узнал Галсан. — О чем это он поет?

— У тебя, Галсан, острый глаз, — усмехнулся Дамдин, — а у меня хорошие уши. Он поет о приказе, а в нем выговор мне.

— За что тебе выговор?

— Так кончился наш спор с директором о сроках сева.

— Плохой конец.

— Ничего. Этот выговор только до августа. Готовься большой урожай пшеницы убирать!

— Я-то готов — через неделю мой комбайн выйдет из ремонта. А будет ли что убирать?

— Снижай глубину, Галсан, тогда будет. Вот так. Теперь включай третью скорость! . .

Солнце уже садилось за холмами. Цепочки уток и гусей тянулись с полей к воде, на ночлег. Табун лошадей без пастуха промчался к озеру, на водопой, предводительствуемый вороным жеребцом. Вожак остановился у берега, оглядывая своих подопечных; и грива и хвост его коснулись земли — до того они длинны

Заржал вороной жеребец, и ему залиvisto ответил

Карька. Поднял он голову, наострил уши, поглядел вслед убегающему табуну и огорченно вздохнул. Столько в этом вздохе было зависти к вольным скакунам и недовольства обязанностями заседланной лошади, что Дамдин, хоть и был занят своими невеселыми мыслями, засмеялся. Ласково разгладил он коню густую гриву:

— Не грусти, Карька, ночью нагуляешься!

И конь оглянулся, словно понял его.

Под гору Дамдин пустил Карьку вскачь. Вот мелькнула балка с кривыми бесчисленными тропами, натоптанными скотом. Конь с всадником взлетел на очередной перевал, на мгновение озарился оранжевыми лучами заходящего солнца и тут же нырнул — как сгинул — в глубокую тень от соседнего высокого дабана. Добрый конь давно уже знал привычный вечерний путь. Два перевала, три долины — и вот он, поворот к знакомым юртам. Не сбавляя резвости, дробно стуча копытами и плавно покачиваясь на ходу, как это умеют делать отличные монгольские скакуны, натренированные опытными всадниками, Карька летел к юртам. Дамдин чуть натянул повод, и верный конь остановился у крайней юрты, будто зарывшись копытами в землю.

Хлопнули красные дверцы юрты, распахнутые торопливой рукой, кто-то радостно вскрикнул, и перед Дамдином появилась тоненькая девушка в зеленом дели и бобровой шапочке, надвинутой на правую бровь.

— Здравствуй, Дамдин! Еще издали слышала: Карька летит, его топот. И не ошиблась.

Девушка обняла лошадь за шею и прижа-

лась щекой к ее бархатным ноздрям. Другой монгольский конь, не избалованный лаской, отпрянул бы, а Карька только зажмурил глаза и сам положил голову на плечо хозяйке юрты.

— Завидую я ему, — усмехнулся Дамдин, привязывая Карьку к коновязи: — ты с ним добрее, чем со мной. В следующий раз пришлю его одного, а сам останусь дома.

— А за что с тобой доброй быть? Ты же не ко мне приехал. Опять к отцу и опять об урожае говорить. Ведь так?

— Так, Селенга, так.

— Ну, хорошо хоть правду сказал. Ступай, отец ждет тебя. Да не задерживайтесь, ужин скоро поспеет.

Где-то в предгорье, в болотистом лесу, били родники, выше, в скалах, таяли снега. Не много от этого воды, но ручей проложил себе русло. С каждым годом оно все глубже, все больше зарастало бурьяном и ивняком. Несметное число серых зайцев и рябеньких каменных куропаток расселилось здесь. В октябре-ноябре, когда в горах запасы корма скудели, а на полях стихали работы, сюда сбегались и слетались обитатели соседних лесов. Пойдет арат нарубить кустарника или собрать бурьяна на топливо, шаг шагнет — из-под куста с треском взлетает выводок куропаток; замахнется топором срубить под корень сушняк — выскакивает чуть посветлевший к зиме заяц. А весной и летом тут гнездилась и кряква.

Но вот ручей переселился. Араты соседнего с госхозом аратского объединения решили восстановить древнюю оросительную сеть. Дружно, в одну осень очистили они магистральный канал, чудесным образом прилепленный к подножию гор, перекрыли в верховье ручей, и куропатки да кряковые утки стали летать над новым руслом вместе с горными голубями. С тех пор не было еще года, чтобы в аратском объединении собирали голозерного ячменя или твердой пшеницы меньше ста пудов с гектара.

Председатель аратского объединения — старый Тумен

был первым учителем Дамдина еще до того, как он окончил сельскохозяйственный техникум в Улан-Баторе. Вернулся ученик агрономом в госхоз, но учителя не забыл.

«Знаю, зачем ты едешь к нам, — смеялся старый Тумен. — Урожай у нас хорош, а Селенга моя лучше».

Вот и теперь Тумен встретил Дамдина упреком:

— Что поздно явился? Селенга задержала?

— Нет, — вздохнул Дамдин, — приказ с выговором.

— За что?

— За поздний сев.

Старый председатель аратской артели и юноша-агроном долго сидели на валу канала. Не один десяток трубок был уже выкурен, погас день, и синие сумерки занавесили дальние горы. Шуршала сухая осока в канале. Около самых ног пробежала мышь-полевка, пискнула и поднялась столбиком перед водой. Надо было ей, как видно, что-то на той стороне, а тут поток на дороге. Как быть? Поводила мышь усами, принюхиваясь, почесала лапкой за ухом, словно поскребла с досады в затылке, и вдруг плюхнулась в воду и поплыла.

— Видал, какая решительная! — шепнул Тумен.

Пролетел-просвистел табунок чирков, сначала высоко, а потом над самой землей, круто развернулся и — ш-ш-шик! — опустился на воду. Пять уток и два селезня. Дамдин рукой мог бы дотянуться до них, так близко они сели, не замечая людей. Но Тумен пососал трубку и пыхнул в уток дымом. Свистнул селезень, и компания взлетела свечкой.

— Трусливая птица, — заметил Тумен, — в трусости их спасение. А у людей — наоборот: струсил — беда. К слову сказать, не испугался ли ты, Дамдин, раз из-за выговора хочешь бежать из госхоза?

— Нет, я не боюсь. Мне обидно.

— Обида — не главное. Ты знаешь больше их, вот что важно. А знаешь больше — значит, ты сильнее. Почему же сильный побежит от слабых? Смешно.

— Директор говорит: «Не нарушай, Дамдин, порядка — уволю». Ждать, когда уволят?

— Осенью директор благодарить тебя будет, вот увидишь. Нельзя уходить. Надо, чтобы люди убедились в твоей правоте. А что ты скажешь, если придется доказывать, что совсем нет нужды пахать?

— Как, совсем не пахать?

— Вот тут, где мы с тобой сидим, — Тумен постучал рукой о землю, — прошлой весной совсем не пахали. Только сверху срезали легким плугом траву, взрыхлили землю на четыре пальца и посеяли пшеницу. Летом засуха была. На соседних участках пшеница и взойти как следует не успела: сожгло ее. А здесь сколько мешков зерна собрали! Почему? Влага хватило пшенице. Тянула корнями ее с такой глубины, сказать — не поверишь, хоть ты и агроном. Пшенице пища нужна. Не трогай землю, не вороши ее каждый год — и пищи для пшеницы будет хоть отбавляй. Говорят: поле заросло бурьяном — бросовая земля. А ведь это неверно. Чем больше трав на поле, тем оно плодороднее. Где жизнь, там всегда и смерть, а где смерть, там и пища для новой жизни.

Низко-низко, едва не задевая за сухую траву на межах, над полем протянула запоздалая стая гусей. Вот они уже над головами Тумена с Дамдином. И тогда только заметили людей. Визгливо загоготал испуганный вожак, захлопали гусяные крылья, и стая исчезла.

— Откуда ты все это знаешь? — помолчав, спросил Дамдин, раскуривая новую трубку.

— Гуси принесли мне новости, как думаешь? — усмехнулся в темноте председатель артели. — В Советском Союзе, недалеко от нас, живет большой человек. Он и сказал эти слова: кто пашет землю, тот думает только о сегодняшнем дне.

Позади собеседников зашумела трава, кто-то ступил в мокрую борозду, всхлипнула грязь.

— Ай! — прозвенел нежный голос Селенги.

— Иди правее, — сказал в темноту Тумен, — там еще не полито.

Селенга подошла и села рядом с отцом:

— Говорили — скоро придете, а сами сидите разговариваете. Я ждала, ждала. . .

— Ругай его, дочка, ругай! — сказал Тумен. — Со стариком ему, однако, веселей.

Еще стая гусей пролетела над полем. Может быть, это все еще летала та же, спугнутая, разыскивая, где бы спокойно пожировать на стерне. В теплой, сырой темноте над только что политым полем проплыл огонек — это старый Тумен медленно прошел к юртам с трубкой в зубах. Свистели в воздухе утиные крылья. Где-то неистово крикала крикуша, подзывая отставшего селезня. Шелестели сухие травы, вздыхала, как живая, вода в канале. Наступала ночь.

ГОЛУБОЙ БЫК

Сначала с вершины горы посыпались камни. Один из них скатился к самым ногам пастушонка Юндуна. Овцы, лежавшие с ягнятами в тени от скал, повскакали, готовые броситься врассыпную.

— Хох! Хох! — крикнул успокаивающе Юндун, как это всегда делал его отец, и отара затихла.

Юндун прикрыл ладонью глаза от ослепительного солнца и внимательно осмотрел вершину. Ничего подозрительного там не было.

— Наверно, аргали, прыгая со скалы на скалу, столкнул камень, — сказал пастух и, чтобы показать, что он вовсе не трусит, важно закурил трубочку.

Только он наклонился снять путы с передних ног своего старого гнедого, который один не обратил внимания на какие-то там камни и продолжал дремать на солнышке, отвесив нижнюю губу, как с вершины скатилось еще несколько валунов.

— Нет, это не аргали!

Юндун взобрался на коня и уже готов был поднять отару, чтобы угнать ее в соседнюю долину. Но в его спину угодил небольшой камень, пущенный чьей-то ловкой рукой все с той же вершины.

Кто-то подшучивал над Юндуном, а солидному пастуху не к лицу отвечать на шутки. Мальчик свесился с седла, делая вид, что рассматривает траву под ногами коня.

— Юндун! — послышался тонкий голосок.

Пастух продолжал смотреть под ноги коню.

— Юндун, смотри же, что я буду делать.

Мальчику очень хотелось посмотреть, что это задумала его подруга Серетра, но гордый маленький арат крепился и головы не поднимал.

— Противный мальчишка! — крикнула Серетра. — Тебе такого никогда не сделать.

Тут уже пришлось поднять голову. Эта девчонка в самом деле вообразит, будто он что-то там не сможет сде-

лять. Юндун через плечо взглянул на вершину соседней скалы. Там стоял голубовато-серый безрогий хайнык¹, а на нем верхом сидела Серетра.

— Спустишь прямо здесь или не спустишь? — задорно бросила она.

Юндун махнул рукой: дескать, куда тебе!

— Ну, тогда смотри!

Серетра задергала веревочку, привязанную к деревянной шпильке, продетой, как сережка, в носовую перегородку хайныка, и застучала пятками по его ребрам. Хайнык насторожил лохматые большие уши, посмотрел круглыми черными глазами вниз, примериваясь, потоптался короткими могучими ногами в нерешительности и вдруг, яростно хрюкнув, ринулся под гору.

Сперва он смешно понесся галопом, а потом уперся всеми четырьмя ногами в землю, откинулся назад, почти

¹ Х а й н ы к — гибрид домашнего крупного рогатого скота и горного быка — яка.

сел на хвост и заскользил по склону вместе с целым валом камней.

Так он и съехал вниз в гряде камней с хохочущей девочкой на спине, огромный, лохматый горный бычище. Овцы Юндуна шарахнулись от страха; даже гнедой конь и тот поднял голову, пошевелил ушами и подобрал нижнюю губу.

— Ну как, хорошо съехала?

— Хорошо, — честно признался Юндун. — Молодец твой серый.

— А я разве не молодец?

— Отец узнает, он тебе покажет молодца!

— А ты нажалуешься?

— Я не доносчик.

Девочка помолчала. Она почесала за ухом у серого, и тот, хрюкнув от удовольствия, свернул могучую шею кольцом и потерся лбом о голую красную коленку Серетры.

— А ты не хочешь съехать на нем оттуда? — спросила Серетра, сползая со спины быка.

Она подошла к Юндуну, тонкая, как былинка, ведя на бечебочке — на такой и кутенка не удержишь — своего огромного голубого быка.

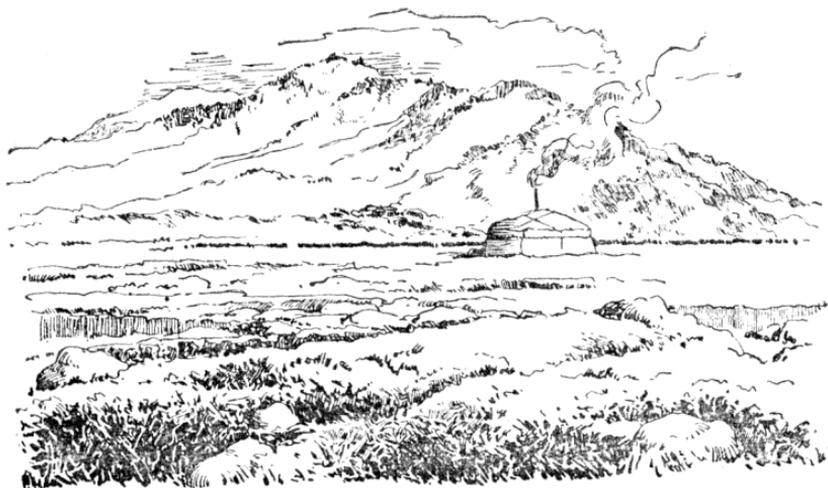
Подошла и взглянула на Юндуна снизу горячими глазами:

— Хочешь?

Серый терся лбом о спину хозяйки, толкая ее все ближе и ближе к гнедому и к Юндуну. Конь с опаской косился на быка-великана. А Юндун не отрываясь глядел в глаза Серетры.

— Я знаю, — говорила она ласково, — ты храбрый, Юндун, ты не испугался зимой и волка. Поезжай же на моем сером, если хочешь.

А голубой бык смотрел на них своими огромными черными умными глазами в длинных ресницах и тихо похрюкивал. Мычать они, эти хайныки, не умеют.

НА БОЛОТЕ

Апрельский вечер. Лиловое небо. Синие озерки и лужи в прошлогодней бурой осоке. Всюду — раскисшая почва, хлюпающая под ногами. Сухого места не найдешь. Ступишь сапогом — всхлипнет, чавкнет болото. Однако неглубоко; болото не постоянное: пройдет май — и высохнет долина. Но сейчас какое здесь раздолье гусям, уткам!

«Тут мировая птичья дорога, — говорят местные арты. — И весной и осенью гостят у нас крылатые гости». Ну как не спуститься гусям на ночлег в болото — оно для них вроде придорожной гостиницы! Скомандует вожак — и снижается стая. А тут уже расселись тысячи воздушных путешественников. Птичий гомон на всю округу. Спустилась очередная стая — еще громче птичий разговор. Уже темно, а птицы все летят, летят. . .

Мы с шофером Гомбой разложили свои спальные мешки за кочкой, обросшей высокой сухой травой — дерисом. Решили тут ночевать. Бурый мешок в сухой бурой траве — разве птицы разберут, кто здесь спря-

тался? В десяти шагах от нас круглое озерко. Утром засветится заря — птицы будут видны на нем как на ладони.

Спускается туман, чуть пробивается через него луна. Туман от лунного света — как молоко.

Темные крупные птицы летят над нами. Две отрываются от стаи, делают круг и садятся на берег нашего озера.

— Какие-то крупные гуси, — шепчет Гомба.

Я толкаю его, и Гомба догадывается, что надо молчать.

Птицы сидят на берегу рядышком, переплетаются гибкими шеями, будто ласкают друг друга.

Низко-низко над болотом проплывает еще стая таких же птиц. Раздается переливчатое, мелодичное курлыкание. Они кричат, завидев на земле своих товарищей. Стая пролетает над озером, поворачивает, пролетает еще раз. Опять вожак зовет уединившуюся пару, но те, видно, хотят остаться вдвоем. Стая пропадает в тумане.

Теперь темнее не станет — месяц поднялся высоко. Над болотом свистят и свистят крылья.

Под гоготанье гусей и шипенье селезней хорошо дремлет. Но вот в воздухе проносится нежный, певучий звук — будто кто-то проиграл на валторне.

Гомба приподнимается в мешке:

— Кто это крикнул, какая птица?

Мы прислушиваемся. Звук повторяется слабее, уже издали.

— Как девушка пропела, очень красивая девушка. . . — задумчиво говорит Гомба. — Куда она летит, откуда?

— Это птица кричала.

— Я знаю, птица, — шепчет Гомба. — Но какая она?

Проснулись мы на восходе солнца. Туман уплыл за реку. Озерки лежали как розовые зеркала. На далеком бугре от аратской юрты поднимался сиреневый дымок. Монгол верхом на лошади погнал стадо на пастбище и запел про-

тяжкую степную песню. Сухой дерис вокруг нас от росы словно серебряный. И мешки наши тоже как из серебра.

Проспали мы охоту: на озерке — никого. На следующем озерке тоже никого. Где-то ухает одинокий выстрел. Последняя стая гусей быстро улетает с болота.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Весна

С утра дождь и туман.

— Удивительное дело, — говорил в нашей юрте старый арат: — в марте дождь! Если теплый дождь упал на речной лед, это к граду, к ранним морозам.

Сегодня, 26 марта, над покрытыми еще льдом болот-

цами пронеслась стая кряковых уток. Вчера не было ни одной птичьей души, а сегодня — вот они, да сразу сколько!

Завтра начнется охота. Хозяин юрты говорит — повстречался в степи с дрофой. Эта тоже не задерживается: чуть запахло весной — и она уже здесь.

* * *

Туман, туман — на редкость сырая весна. В кустах на речке застрял снег; идешь по нему с хрустом, с треском, как зимой. И вдруг из-под ног — свечкой пара кряковых. Серая утка, а за ней сине-зеленый бархатный франт-селезень. Взлетели и растаяли в тумане.

Лошадь

Рыжая косматая лошадь сорвалась с привязи. С каким азартом она неслась к изгороди — хошану, где обычно кормили табун! Грива дыбом, голова задрана вверх, хвост раскинут по ветру, уши торчком. Поперек брюха повязана веревка, как у поросенка, когда он срывается с привязи. Спешит лошадь изо всех сил. Но напрасно: табун уже накормили и угнали из хошана.

И ту же лошадь гнали обратно к коновязи. У рыжей испортилось настроение: голова опущена, уши поникли, нижняя губа отвисла, ноги заплетаются. Кажется, вот-вот заснет на ходу.

* * *

Подо мной упал рыжий жеребец. Бежал, бежал, споткнулся и грохнулся на бок. Вылетев из седла, растянулся и я. Встали на ноги мы оба разом. Я было принялся ругаться, но посмотрел на рыжего и рассмеялся. У коня ноги растопырены, голова уныло повешена. Смотрит на меня жалобно, ну так и говорит:

«Виноват, не ругайся. . .»

Овцы в хошане

Овцы — самые беззащитные животные. У коров — рога, они ими защищаются даже от волков. У лошадей — задние ноги и зубы. А у овец никакого оружия защиты. Стоят в хошане овцы с ягнятами. Ягнята — мелюзга, только появились на свет, потешные, длинноногие глупыши.

Подошел к плетню щенок. Черный, круглый, жирный; желтые глаза поставлены у него близко. Просунул щенок башку в дырочку в плетне и смотрит на ягнят. Что ему понадобилось — неизвестно.

Вдруг овцы забеспокоились, уставились на черную башку. Вот одна топнула передней ногой.

Вст другая топнула. Все затопали. И смотрят на щенка: убирайся, мол, чего пришел!

А тому и не до них. Просто скучно ему. Зевнул он, вытащил голову из дыры и тут же под плетнем развалился, выставив на солнышко гладкий и белый, как у лягушки, живот.

Синяя темнота

За семь дней сошел, испарился снег в горах, в порослях кустарников, в балках. Снега не видно нигде. Днем даже жарко. Недавно прошло два дождя. Они словно смыли снега. Открылись, засверкали чистой водой лужи на утиных болотах. Пора идти на вечернюю зарю с ружьем.

Солнце уже село. Над горой крупная звезда. Вода

в озерах не шелохнется; лежат они как зеркала, а камыш — будто оправа. Весенние тихие сумерки.

В небе стаи птиц. Кажется, вместе с ними спустилась и синяя темнота.

Свистят в воздухе утиные крылья. Мелькают над головой птицы. То и дело всплески — садятся утки. Над болотом стонут турпаны. Пришептывают селезни. Изредка иступленно закричит кряковая, сзывая селезней, а может быть, так, от весенней радости.

И еще звуки. Будто кто-то горестно охает. Это неуклюже летает-кувыркается чибис. В синей темноте черного чибиса не увидишь, только слышно: «Ох, ох, ох!..»

Турпаны

К нашим юртам повадилась прилетать пара турпанов. На озерах эти птицы держатся очень осторожно. Блико человека не подпустят: поднимут такой крик, что не только турпаны, но и другие утки взлетят, прежде чем к ним подберешься на выстрел. Такая противная для охотника эта птица-сторож!

А здесь сами прилетают, садятся на землю невдалеке и, вытягивая шеи, потихоньку приближаются и норовят зайти на главный двор. Вертят головами, что-то высматривают и все ближе, ближе к усадьбе. Очень похоже, что мучит их любопытство; хочется узнать, что тут делается у людей. Прямо невероятное для диких птиц любопытство.

Думал я, думал, в чем дело? А потом, кажется, понял. Турпаны следили за курами. Куры их привлекали, а точнее — кормежка. Как только утром начинали созывать кур, рассыпая для них просо, турпаны уже тут как тут.

Но откуда они знали, что кур кормят просом, и если люди кричат: «цып, цып», то это значит, что будут сыпать корм на землю?

Непастный вечер

Поздний весенний вечер. Заря почти потухла, и вода в озёрке засветилась от молодого месяца, что своей четвёртушкой выглядывал из-за облаков.

Сегодня неудачная погода для охоты. Ветрено, холодно. Вся птица забилась в камыши. Лёт плохой. Я уже подумывал было уходить домой, когда неожиданно свистнули утиные крылья и три кряковых — две утки и селезень — опустились на воду. Птицы сели недалеко от меня, стрелять было удобно.

Из-за ветра выстрела почти не было слышно. Селезень перевернулся кверху светлым брюшком, поворочал красными лапами и затих. Одна утка сразу улетила, но вторая осталась на воде. Она покружила около убитого селезня, потом подплыла к нему вплотную и, усердно гребя лапами, чтобы удержаться против ветра, уперлась грудью в бок селезню, как будто хотела его поддержать.

Я неосторожно шевельнулся. Утка взлетела. Но скоро вернулась и пролетела над водой. Кажется, вот-вот сядет. Повисла в воздухе над убитым селезнем, часто-часто взмахивая крыльями. Вытянула голову вниз, как бы прощаясь в последний раз, потом скользнула в сторону и больше не возвращалась. Ее наверняка можно было убить, но что-то не хотелось. И вообще, на душе стало скверно. На болотах холодно, неуютно. Тучи совсем закрыли месяц, наступила холодная весенняя ночь.

Под скалой

На заре я вышел из теплой юрты, добрался до скал и залег за камнями.

Ждать пришлось недолго. Только поднялось солнце из-за лохматой, лесистой вершины горы, как на поляну выскочила косуля. Тонконогая, серенькая, как заяц, с черными большими глазами. А вокруг хвоста — белое пятно, будто повязана белым фартуком.

Сначала косуля замерла и прислушалась. Потом наклонилась и принялась щипать под ногами фиолетовые подснежники.

Что-то напугало ее. Прыжок — и серого зверя как не бывало. Но вот появились еще две косули. Эти поменьше ростом, молодые. Не осматриваясь по сторонам, они спокойно щипали цветы. Тут на площадке опять появилась первая косуля. Она была чем-то встревожена, озиралась по сторонам, поставив сторожкие уши. Вот она топнула передней ногой — и исчезла. Вместе с ней исчезли и молодые. Как будто их всех здесь вовсе и не было.

Только тогда я вспомнил, что можно было бы стрелять.

Птичье горе

Весь вечер мы просидели в камышах. Уже много уток и гусей лежало на болоте вокруг. Можно было и уходить. Но вот где-то рядом гагакнул гусь. Он часто взмахивал крыльями, стараясь удержаться в воздухе над камышами, вытянул шею и разглядывал что-то на земле, а потом опустил на болото. Шлепая по воде лапами и переваливаясь через кочки, он подошел к одному из убитых гусей, присел около него и крикнул еще раз свое «го-гот».

Стрелять или нет? Убивать его не хотелось: ведь сам в руки отдавался. Долго сидели мы: гусь около убитого товарища, а я напротив него, в камышах.

* Звезды засветились на небе. Одна зеленая особенно

ярко мерцала низко над горой. Я загадал: как только зеленая скроется, спугну странную птицу и уйду на стан.

Костер загорелся на бугре—то товарищи собирались на ночлег. От костра крикнули, созывая запоздавших.

Раздвинув камыши, я остановился, ожидая, что птица взлетит. Но на болоте никто не шевелился. Тогда шагнул дальше. Убитый гусь попрежнему лежал на воде, а возле него сидел другой, раскинув крылья, подвернув голову под грудь. Он был мертв.

Пока я шел на стан, мне все думалось: вот, одного убили, а другой с горя погиб.

Так бы я и думал про птичье горе, если бы товарищи у костра не осмотрели гуся-«самоубийцу». У него грудь оказалась пробитой крупной дробью. Значит, он случайно прилетел на озерко уже подстреленным.

Подняли меня на смех товарищи. А мне все же хотелось верить в птичье горе.

Тодыки

Тодык — дрофа — очень осторожная птица. Даже в Монголии, где ее не трогают, она не подпустит к себе человека на выстрел, а садится на открытых, ровных местах, — ниоткуда к ней не подобрешься.

Эта птица хорошо знает, с какой скоростью может приблизиться человек, и никогда не опоздает взлететь. Но совсем другое дело — автомашина. С ней тодыки еще не знакомы. Тут осторожность не спасает птицу

Вчера мы застали тодыков прямо на дороге, купающимися в пыли. А рядом, в кустах, паслась целая стая

этих серовато-рыжих птиц. Там то и дело мелькали их белые настороженные шеи.

Смотрю, что будет? Вот машина уже совсем около стаи. Дрофы с опаской оглядываются и, важно шагая, прячутся за кусты. Тут несколько семейств. Один — как видно, вожак — особенно велик: он нисколько не меньше овцы. У него крупная плоская голова с круглыми черными глазами, а под подбородком — целая борода из белых тонких перьев. Он

медленно уходит: дает спрятаться остальным. Если он взлетит, поднимутся и все остальные.

Дрофы совсем рядом; они смешно присели в кустах — спрятались, называется. И вожак подогнул ноги, присаживаясь. Кто-то в машине шепчет, чтобы не стрелять, пока не подъедем ближе. Услышала она нас, что ли? Громадная птица вдруг раскрывает крылья. Поднял я ружье. А в машине девчонка, которую мы посадили в дороге, вдруг так жалобно сказала:

— Они же глупые — и машины-то никогда не видели. Зачем стрелять?

Так я и не выстрелил. Пожалел тогда. А теперь рад, что не убил глупую птицу. Ну-ка, подберитесь к ней без машины, попробуйте! Вовсе она и не глупая.

В кустах

Сентябрь. Сизый туман застрял в частом кустарнике. Опустился, обволок землю еще с ночи, а теперь хоть и рад бы уйти, да не может: ветра — ни малейшего, как ему вернуться из кустов?

Холодно и сыро. Кусты напитаны сыростью, как будто их опускали по самый корень в речку. Бурая трава тоже как губка: сделаешь шаг — и по колено мокрый. Ну какая охота в такую погоду! Ружье в руках запотело, капли стекают за рукава.

Однако приходится сидеть ждать. Товарищи ушли, сказали:

— Жди: может, и на тебя кто-нибудь набежит.

Сижу. Приятели поднимут лисицу, а то и волка, а я сижу без дела! Как нарочно, вдали один за другим несколько выстрелов.

Треск сучьев и топот легких лап впереди. Кто бы это мог быть? Из кустов выскочил невиданный зверь. Бурый, туловище маленькое, а голова широкая-широкая. Мелькнул, скрылся и опять вынырнул на просвет. Туман повис клочьями, колышется в том месте, где пробежал зверь. Не видно из-за тумана,

на, что за чудовище. Страшно, однако. От страха выстрелил не целясь. Заворошилось, забилось чудовище.

Осторожно подошел поближе. Бочком на мокрой траве лежит лисица, разинув окровавленную пасть, а в пасти торчат две тетерки. Одна хвостом вправо, другая влево. Вот почему голова-то у нее показалась широкой. Одна из тетерок еще живая, трепещется.

З и м а

Вчера весь день шел снег. Сегодня утром солнце заиграло в снежинках, которыми обсыпаны все ветви. Снег глубокий, рыхлый; а где высокая трава осталась нескошенной, там он лежит на пригнувшихся стеблях, высоко от

земли. Шагнешь валенком в такое место — и сразу полны голенища.

По следам на снегу можно многое узнать. Вот лисий след — спокойный, в цепочку, лапка за лапкой. Вдруг лисица увидела мышь. Прыгнула на нее. Она легонькая, бежит по снегу — не проваливается, след как от гусеницы. Всем туловищем накрыла лиса мышонка. Глубоко в снег ушли ее лапы, и даже острую морду воткнула в снег. Но мышь вылезла из-под лисы и побежала в сторону. Лиса опять прыгнула на мышь. Второй такой же отпечаток четырех лап и носа. И опять мышь семенит по снегу невредимая.

Неудачница эта лисица — так и ушла от нее мышь. Здесь лисица села и хвостом повозила по снегу. Посидела, облизнулась, вероятно, и поплелась дальше: от того места, где сидела, спокойный след шажком. Передней лапой сделает след, а задней наступит точно в него.

Под кустом тетерка сидела. Она с лету плюхнулась в снег, прочертив по нему хвостом и лапами. Посидела, оставила пару желтых сережек, похожих на червяков, и поплелась к другому кусту. Снег глубокий — неудобно тетерке по нему ходить с ее мохнатыми лапами. То вправо, то влево свалится птица и чертит снег крыльями — поддерживает себя на ходу. На дне следа — характерный крестик от лапы. Три длинных чешуйчатых пальца, каждый с острым большим когтем, а четвертый — маленький, закорючкой. Сильные пальцы у тетеревей: тяжелые птицы умудряются сидеть на самых тоненьких березовых веточках. Тоньше ветка — вкуснее на ней почки. Уцепится тетерев за тонкую ветку — она оттянется, как нитка. А тетереву безразлично; висит вниз головой, раскроет на всякий случай крылья и клюет, клюет почки с самой верхушки.

Наверно, собиралась вздремнуть птица, да помешали ей. Прямо на то место, где сидела тетерка, ведет след скакавшей лисицы. Уж, наверно, и пасть раскрыла хищ-

ница, приготовилась схватить лакомый кусочек, да не тут-то было! На снегу видна ямка. Это присела тетерка, чтобы оттолкнуться от земли и прыгнуть с треском в воздух, и, как видно, успела это сделать во-время — кругом не видно ни одного перышка.

А вот волчьи следы. Зверь шел крупный. Если бы не отпечатки на снегу подошвенных мякишков, да таких размеров, какие не встретятся ни у одной собаки, то следы можно принять чуть ли не за лошадиные.

Волк утопал в рыхлом снегу и разворошил его. Ну, только вот сейчас осыпался здесь легкий снег. А вот комок отскочил и прокатился по поверхности снега, едва царапнув ее. Ни солнце, ни ветер еще не успели сгладить эту царапину. Волк прошел здесь только что.

Рядом, в зарослях, затрещали сучья. Отчетливо слышно — кто-то тяжелый идет в кустах. Впереди между стволами мелькнули две серые тени. Стрелять уже поздно — далеко.

А вот и волчьи лёжки под поваленным деревом. На их дне — сухая трава, по краям — талый снег. Ну что бы мне пройти правее, тогда, может быть, успел бы выстрелить! Возвращаюсь по своим собственным следам вроде лисицы-неудачницы.

НА ВЫСОТЕ ТРЕХ ТЫСЯЧ МЕТРОВ

До ближайшего перевала оставалось еще с полкилометра. Всадники спешились и закурили. Лошади тяжело водили боками, дышали с хрипом, широко раздувая ноздри.

— Отпустите подпруги, — сказал старый арат. — Пока курим, пусть и они отдышатся.

Несмотря на отпущенные подпруги, лошади никак не могли успокоиться.

— Высоко... — заметил другой арат. — Теперь не мы на них, а они на нас поедут.

Это был только еще первый подъем. А сколько их надо преодолеть, чтобы попасть в Тамч-сомон! Оставив в долине автомашину, группа монгольских ученых в сопровождении арат на лошадях пробиралась к знатым овцеводам Монголии.

Красные гранитные глыбы громоздились на пути всадников. И чем выше поднимались люди, тем больше было скал, тем удивительней, причудливей их формы. То огромное яйцо какой-то чудовищной птицы положено на острую вершину, и кажется невероятным, что оно не падает от ветра. Но к вечеру здесь разразится буря: массы воздуха, насыщенные пылью, поднятой в долинах, ударятся

о скалы, и ни одна из них даже не шелохнется. Вот круглые и плоские камни, как гигантские куски сыра, в три ряда положены один на другой; верхний накренился и, кажется, только чудом удерживается. Тонкие плоские скалы — каждая в десятки метров высотой — встали одна за другой, как чешуя какого-то сказочного чудовища. На тонкой ноге, в которой добрых два десятка метров, в вышине круглилась каменная шапка — настоящий гранитный мухомор.

А вот поперек дороги протянулся гигантский ящер; его острая морда, хищно оскаленная пасть вот-вот повернется навстречу всадникам. Даже лошади косились на камни, пока издали, шаг за шагом, приближались к ним.

Путешественники давно уже шли пешком, ведя в поводу заседланных лошадей. Животные карабкались по скалам, как кошки, цепляясь за камни своими круглыми маленькими копытами. У какого-нибудь коня сорвется неверно поставленная нога, задрожит он от страха — и

все другие лошади, приостановившись, следят за ним, пока он не нащупает твердую почву и не начнет опять шагать своими коротенькими, но крепкими ногами.

Вот и перевал. Путники сели возле придорожного холмика из камней, взялись за неизменные трубки. В двух шагах от них начинается спуск, такой крутой, что, кажется, ступит туда лошадь — и сорвется, пойдет кувыркаться до самого дна узкого ущелья.

Первым поднялся самый старый из проводников. Засунув за голенище трубочку, он подтянул подпруги и легко поднялся в седло. Почмокав губами и беспечно толкнув коня пяткой, он направил его к обрыву. Конь ступил туда — и сразу вместе с всадником скрылся из глаз. Только видно было, как поднялась рука старика, натянувшая повод. Следом сели на лошадей и остальные путники и по очереди пропали в обрыве.

А вскоре можно было различить, как цепочка путешественников уже взбиралась по противоположному склону, ведя лошадей в поводу. И все они были целы и невредимы вместе со своими низенькими лохматыми конями. И на следующем перевале — теперь уже наполовину выше предыдущего — всадники опять присели возле скал и опять выкурили по две трубочки.

Пора бы им трогаться дальше. Но тут на соседней вершине появился всадник на белой лошади. Он наклонился к самой шее коня, чтобы лучше рассмотреть, кто это расположился внизу; глядел, глядел и, признав знакомых, приветливо махнул рукой.

— А ведь это Бадма пасет своих овец, — усмехнулся старый арат. — Мы к нему, а он вместе с отарой к нам навстречу. Свернем-ка вон за ту горку.

Скоро кавалькада, обогнув острую вершину, на которой еще виднелся всадник, поравнялась с отарой овец. Две бурые лохматые собаки бросились на всадников. Но хозяин крикнул, и псы вернулись к отаре. Как только задалаи собаки, овцы, как одна, подняли черные головы,

уоставившись на подъехавших. Однако любопытства их хватило ненадолго — тут же головы с круглыми глазами и настороженными длинными ушами, как по команде, исчезли, животные опять занялись травой.

— Сайн байну!

— Сайну! — здоровались приехавшие и хозяин отары, спустившийся им навстречу.

— Жирен ли скот? Хороша ли трава?

— Все хорошо, — отвечал хозяин — Что нового?

— Вот, Бадма, — сказал старый арат, — давно к тебе собирались ученые. Взялся я их довести до твоей отары, а ты сам на дороге оказался. Счастливый случай, не так ли?

И гости и хозяин спешили и уселись в кружок. Хозяин из вежливости молчал, ожидая, когда гости начнут разговор. А те с удивлением всё оглядывались на отару. И было чему удивиться. Кругом горы да скалы, под ногами один гранит, а овцы Бадмы — одна к одной, крупные, жирные, в пышной шубе волнистой шерсти.

— Наверно, шерсть на твоих овцах необыкновенно длинная? — спросил молодой зоотехник. — Еще не приходилось мне такую видеть.

— Не мерил, — усмехнулся Бадма. — Однако, длинная, должно быть. В нашей местности все овцы такие.

Гости недоверчиво покачали головой.

— Поверить трудно, — согласился Бадма, — голо тут у нас. Скалы, щебень — это верно. От травинки к травинке на коне надо ехать. На севере, в Хангае, и не сравнишь, какое обилие трав. А вот араты пробовали туда кочевать — не нагуливаются там наши овцы так, как здесь. . . Почему? Надо думать, особенная у нас в пустыне трава. Мелкая, редкая — это верно. Но кто, однако, мерил, в какой больше пользы для овец — в здешней, редкой, или в хангайской, густой? Да и правильно ли люди говорят — пустыня? Сдается мне, не совсем это, однако, правильно. Вон они, овцы, какие жирные — а пустыня!

Бадма поднялся и медленно пошел к отаре. И белый конь его, хотя повод был заброшен за луку седла, пошел следом, едва не наступая хозяину на пятки; две собаки, ласкаясь, шли за Бадмой, пока он не прикрикнул на них. Псы легли, уткнув морды в передние лапы, и издали следили за хозяином.

Бадма пошелкал языком и, став на одно колено, протянул к овцам сложенные в пригоршню ладони. И тогда из гущи овечьих спин и голов поднялись огромные рога красавца-барана. Шел он, расталкивая овец, с важным видом, не торопясь и не остерегаясь человека. Подошел к хозяину, ткнулся атласными губами в его ладони, но, ничего не найдя там, поднял голову, обнюхал ему лицо, подождал немного — не появится ли в ладонях вкусное пшено — и стал тереться рогом о его колено.

— Идите сюда, дорогие гости! — крикнул Бадма, придерживая барана за рога. — Мерьте у него шерсть. Однако, не будет ли она длиннее, чем вам приходилось видеть.

Пока зоотехники осматривали барана-великана, Бадма поймал за заднюю ногу еще двух овец.

— Смотрите хоть всю отару, — говорил он, подтаскивая упирающихся маток. — Пусть и другие араты разводят таких овец, пользы много будет.

— О ваших овцах, Бадма, — сказал молодой зоотехник, — я книгу напишу.

— Пиши. Большим ученым станешь.

... Эта маленькая история заканчивается в Москве. Передо мной диссертация, присланная из Ученого совета Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Молодой зоотехник, питомец Уланбаторского университета, будет защищать диссертацию на тему: «Овцы Гоби-Алтайского аймака Монгольской Народной Республики».

Зоотехник расскажет советским ученым, каких ценных овец разводят гобийские араты. Он покажет об-

разцы шерсти, изумительно длинной и шелковистой, снимки животных. Но вспомнит ли молодой ученый о Бадме? Слова-то арата сбылись!

В ПУСТЫНЕ

Градусник, забытый здесь каким-то проезжим ученым и повешенный на косяке двери придорожной чайной, показывал сорок пять градусов выше нуля. От скалы — огромного куска красного гранита, к которому прилепилась чайная, — несло нестерпимым жаром.

Пассажиры грузовой машины сидели под трехтонкой — единственное место, куда еще доходил кое-какой ветерок, — и обедали.

Шофер — толстый, веселый парень в промасленном комбинезоне, одетом прямо на голое тело, — обливался потом, но был в отличном настроении.

— Неплохо бы сейчас водички холодненькой. А? — донимал он изнемогавшего от жары и пыльной дороги молодого агронома из Улан-Батора.

— Отстань, Доржинима, — отмахивался тот, — не до тебя!

Но все же облизывал запекшиеся губы, представляя себе стакан с ледяной водой.

От таких разговоров и другие пассажиры кряхтели и тянулись лишний раз к чайнику.

— Ох! — застонал один из пассажиров, вылезая из-под машины. — Лучше на солнце сидеть, чем тебя слушать, Доржинима!

— Давай вылезай, — засмеялся довольный шофер, — нам свободней будет. Или вот еще, — продолжал он, — неплохое занятие в такую жару — арбузы есть.

— Арбузы? Вот еще придумал! — воскликнул пожилой арат, дорогой подсевший в машину. — Кто тут у нас, среди скал, слышал про арбузы?

— Этакый крупный, ядерный да полосатенький! — не унимался шофер. — Опустись его, миленького, в колодец на часок-другой, вынешь на жару — он и запотел не хуже стакана с ледяной водой. Чуть тронешь ножом — треснет арбуз пополам. Поднесешь ко рту вот такой ломтище, поглядишь на него, откусишь красной мякоти и прямо захлебнешься ледяным сладким соком. Наслаждение!

Агроном лежал на спине, закинув руки за голову, и видел бахчи в Селенгинском аймаке и горы крупных полосатых арбузов, которые именно так необычайно сладки и сочны, как говорил Доржинима. А если бы сейчас перенестись отсюда — из раскаленной горной долины на границе с пустыней Гоби — в северный район, где и реки, и леса, и сама земля другие! Там и арбузы, и огурцы, и помидоры. . . Счастлив агроном в тех местах. А вот ему пришлось ехать в пустыню. Ведь говорил в министерстве: «Что там, в Гоби, агроному делать, камни, что ли, выращивать?» Посмеялись в комиссии, однако решения не изменили.

Всю дорогу ехал агроном в мрачном настроении, а тут, как на зло, в самую жару, когда так устал, этот шофер прицепился с арбузами.

Пока агроном думал о своей неудачной поездке, Доржинима успел сходить за новой порцией чая.

— Эй! Агроном! — крикнул он, присев около машины на корточки. — Хочешь удивлю тебя?

— Опять арбузами?

— Угадал! Ими. Послушай, что хозяин чайной говорит: будто в соседней долине араты бахчами занимаются, и уже не первый год, и вроде арбузы есть, и даже полосатые. Каково?

— Поди ты со своими арбузами! И ты и заведующий станком обалдели от жары. Мираж у вас у обоих в глазах. Знаешь, что такое мираж?

— Знаю. А ты знаешь, что такое бестолковый агроном?

— Отстань!

— Вот чудак! Я дело тебе говорю. Ведра бензина не пожалеею, заедем на бахчи. А?

Все равно пора было ехать. Пассажиры забрались в кузов, и машина тронулась.

Узкое каменное ущелье виднелось в стороне от дороги. В него по целине свернул Доржинима.

— Эй! Не туда! — кричали из кузова.

Но шофер только посмеивался.

Перевалив небольшой дабан едва заметными тропами, машина осторожно спустилась в узкую горную долину. Посреди нее вилось сухое русло, а на южном склоне зеленели квадраты возделанной земли. Там стояли две юрты. Вскоре около них остановилась машина.

— Выходи, агроном! — пригласил шофер. — Посмотри: арбузы это или мираж.

Плодородную почву араты разделали на ровные грядки, метра по два каждая. На каждой такой грядке торчали два бледнозеленых голых корешка, а на них, словно в шутку привязанные, крупные белые и полосатые арбузы. Около юрт арбузы были сложены небольшой пирамидкой, в точности такой же, какую агроном видел в Селенгинском аймаке.

Из юрты вышел седой арат. Он приветливо поклонился гостям и посторонился, пропуская их в юрту.

— Здравствуйте, дедушка! — приветствовал хозяина бахчей Доржинима. — Приехали посмотреть на ваши чудеса в пустыне.

— Заходите, заходите!

— Вот агроном из Улан-Батора приехал, — указал Доржинима на своего спутника, присевшего у арбузной пирамиды. — Не верит, что у вас здесь можно арбузы растить. Убедите его, отец.

— Не верит? — удивился старик. — А вот мы сейчас разрежем самый крупный да угостим агронома, тогда вот и поверит. Садитесь, гости, садитесь.

... Утром Доржинима вывел машину из долины на тракт. Около чайной он сбавил скорость и, помахав шляпой хозяину, стоявшему у двери, крикнул:

— Спасибо за арбузный адрес! Сведения ваши точные! — и подмигнул агроному, сидевшему рядом с ним в кабине.

ПОДВИГ

Старый-престарый арат сидит в юрте на почетном месте, закрыв глаза. Он неподвижен, как будто спит. Ни одна морщина на его коричневом от солнца и ветров лице не изменит своего положения. Он — точно изображение на каменной глыбе, врытой в древнюю могилу, какие встречаются здесь в горных долинах.

Руки старого монгола, хотя и морщинистые, загрубевшие, но маленькие, с красивыми, тонкими пальцами и удивительно правильными ногтями, лежат спокойно на коленях, как у медной фигурки, изображающей бога, — той фигурки, перед которой в юрте теплится в лампадке фитилек, ссученный заботливой хозяйкой из верблюжьей шерсти и воткнутый в кусок бараньего сала.

Но старый арат не спит. Вокруг него — насколько позволяет место в юрте — тесным полукругом сидят дети, женщины, мужчины — все население здешнего хотона. Они собрались послушать своего гостя — певца и рассказчика, музыканта и сказителя, старого Дембрила.

Вот он поднимает смуглую маленькую руку к лицу, прикрывает ладонью рот, и в юрте возникает странный звук — не то жужжанье майского жука, не то звон металлической струны, которую тронули смычком. Невольно оглядываешься: не залетел ли в юрту в самом деле жук?

Присутствующие улыбаются. Но певец невозмутим. Опустив на колено руку и поочередно поднимая пальцы, как бы отмечая маленькие главы в своем рассказе, старый Дембрил запел-заговорил:

— Араты Каменной долины помнят черную ночь. Они никогда ее не забудут. Темна была степь. Темно было небо. И люди в юртах спали. Только чуткие псы сторожили дремлющие отары овец. Вот тогда в юрты пришло большое несчастье. . .

Дембрил снова прикрыл ладонью рот, и в юрте опять зажужжал жук. Звук этот странно привлекал внимание слушателей.

— Вчера еще араты спокойно пасли скот и думали об обычных делах, которые им предстоит выполнить завтра. Дети беззаботно резвились вокруг юрт, а матери следили за ними и ждали вечера, когда вся семья соберется около очага. Но не обычные дела ждали арат наутро. . .

Дембрил опять прикрыл рот рукой. Но его слушатели уже не улыбались. Они с нетерпением ждали продолжения рассказа.

И старей певец продолжал рассказывать о том, что случилось в одно летнее утро в аратских юртах Каменной долины.

Наступало время перекочевков. В долине осталось всего четыре юрты. Последние жители собирались уходить со своим скотом на свежие пастбища, когда случилось несчастье, которого никто не ждал.

В одной из четырех оставшихся юрт жила старуха, по имени Цецик. С бельмами на обоих глазах, седая, косматая, с искривленным носом над беззубым ртом, она до того была безобразна, что не только дети, но и взрослые избегали встречаться с ней.

Укладывая вечером детишек, матери пугали их: «Вот позову старуху Цецик!» Цецик хотя и ко-

чевала вместе с хотоном, но ее юрта всегда стояла вдали от кочевья и она никогда не заходила в юрты других арат.

Однажды, блуждая по степи, Цецик нашла мертвого тарбагана. Дорóгой с ней повстречался пастушонок Лахор. Цецик увела его к себе в юрту и заставила освежевать и сварить найденного ею тарбагана, а когда он это сделал, старуха, принявшись за обед, велела ему натереть шкуру тарбагана золой и растянуть ее на крыше юрты. В тот день мальчик вернулся в свою юрту поздно. Боясь, как бы его не наказали за то, что он был у Цецик, Лахор никому не сказал, что с ним произошло.

Вскоре Лахор заболел. Он лежал на войлочной постели в жару. Мать Лахора то и дело наклонялась над больным, чтобы чем-нибудь облегчить его страдания, но ничего не могла поделать. Мальчик слабел. Родные Лахора терялись в догадках: что такое могло с ним случиться?

На следующий день Лахор умер. Еще через день заболела мать Лахора, а вскоре заболел и отец. Никто не знал, какое бедствие постигло аратские юрты. Отец первым понял, что это за болезнь. Он всегда был спокойным, уравновешенным человеком. Все в хотоне знали — вывести его из себя никому еще не удавалось. И вот в течение нескольких часов хозяин юрты неузнаваемо изменился. Арат вдруг вспомнил десятки дел, которые ему надо неотложно исполнить. Он то собирался съездить к соседям продать скот и уже седлал своего коня, чтобы скакать за девяносто километров, то собирал в тюки мерлушки, готовясь отвезти их в магазин. Он вспоминал о дальних родственниках, желая немедленно их навестить, и требовал от своего старшего сына Наянты, чтобы тот помог ему все это выполнить. Заболевший арат кричал на жену и детей: «Поворачивайтесь быстрее! Почему вы медлительны, как голодные верблюды!»

Араты хорошо знают признаки тарбаганьей болезни.

Кричал, ругался старый арат — и вдруг смолк. Взял он кошму, медный кувшин с чаем и пошел в степь. Вдалеке от юрт больной старик установил себе чум, сел в него, поставил перед собой на землю кувшин с чаем и больше не сказал ни слова. Тут араты поняли, что в их юртах появилась чума. . .

Старый Дембрил замолчал. Он закрыл обеими руками лицо, наклонил голову и стал покачиваться, как делают монгольские женщины над покойниками. И слушатели опустили головы. Даже малыши, толком не понимавшие, о чем поет дед, затихли и сидели, прижавшись к матерям

Но вот старик распрямился, открыл глаза и, как будто проснувшись, оглядел собравшихся.

— Кто не знал красавицы Цырьмы — дочери Будэ? — снова запел он. — Слава о ней перешла через белые горы. Путники сворачивали далеко в сторону от дороги, чтобы побывать в юрте Буде, полюбоваться на его дочь. Самый звонкий голос был у Цырьмы. Лучше всех в сомоне скакала Цырьма на коне. Длинней всех умела Цырьма плести веревки из сарлычьего волоса для утяжки юрт. Красивой и веселой женой стала она для молодого арата Дамбы. Но черная болезнь не разбирает красивых и уродов. После матери наступила очередь красавицы Цырьмы. Она лежала на войлочной постели, и маленькая дочь теребила ее грудь, в которой уже не было молока. . .

Дембрил рассказывал, как девятнадцатилетний Няянта, чувствуя приступы болезни, оседлал лошадь и поскакал в сомон оповестить власти о постигшем арат несчастье. В тот же день из аймака выехали советские врачи. Они ехали на машинах всю ночь.

Утром из-за гор поднялось солнце и осветило горную долину. Из труб аратских жилищ дым не поднимался. Отары овец разбрелись по склонам гор без пастухов. Возле юрт ходил на привязи верблюд, оглашая долину унылым криком.

Машины остановились вдали от юрт. Приехавшие люди двинулись к хотону. Не доходя немного до него, люди остановились. Отсюда дальше направился один человек. Все оставшиеся около машин пристально следили за одиноким человеком в неуклюжей желтой одежде. Вот он наклонился, что-то поднял с земли, постоял, раздумывая, обернулся и махнул товарищам рукой. Затем вошел в первую юрту, но почти тут же из нее вышел. Заглянул во вторую и, отодвинув войлок, закрывавший дверь, вошел в третью.

Человек в желтой одежде застал в живых Наянту, грудную девочку и ее старшего брата Авгана. Наянта поступил так же, как и его отец, — он построил себе отдельный чум, взял чайник и укрылся в чуме.

Юноша был мужественен. Он потерял близких. Он знал, что скоро погибнет и сам. Но ни одного стога никто от него не слышал. Наянта молча сидел под войлоком и, пока был в сознании, изредка подносил ко рту пиалу с чаем. Девочка жила еще с час.

К вечеру надвинулись тучи, прошел ливень. По сухому руслу долины бежал поток дождевой воды. Он как бы отделил хотон, в который зашла смерть, от лагеря врачей. Тяжелая, опасная работа советских врачей была закончена. Можно было уходить из хотона. Но где был Авган? Врач позвал малыша. Никто не ответил. Человек в желтой одежде несколько раз обошел хотон. Ребенка нигде не было. «А что, если Авган ушел из хотона незамеченным? — подумал врач. — Что, если он забредет в какую-нибудь аратскую юрту? Ведь нигде в юртах не откажутся приласкать заблудившегося ребенка, уложить его спать вместе со своими детьми».

Наконец врач заглянул в чум Наянты. Рядом с умершим юношей лежал Авган. Значит, малыш тоже умер? Врач взял его за ручку и поднял. Авган раскрыл глаза и закричал. Оказывается, он просто заснул около старшего брата.

Страшным было пробуждение ребенка. Темнота, холод, дождь. Человек в маске и очках схватил его. Авган вырывался, но его крепко держали. Отпустить его — означало бы еще больше распространить болезнь. Ведь он находился так близко от погибших родных. Однако Авган был жив. Как же поступить человеку в желтой одежде? Если оставить ребенка одного, он уйдет в аратские юрты и разнесет болезнь. Взять мальчика с собой тоже нельзя. Но ведь Авгану только пять лет, он беспомощен, без родителей и близких, один — на холоде, в дождь, ночью. Как поступить?

И человек в желтой одежде решился. Он потребовал от своих товарищей, чтобы в хотоне поставили две новые юрты: одну для Авгана, другую — для врача. В этих юртах останется он с ребенком до тех пор, пока не будет выяснено, заболел он или нет.

И вот построили юрты, принесли железные печи, трубы, дрова и все другие необходимые вещи. Большой камень-валун, лежавший на дороге между лагерем и хотоном, стал границей. Все, что нужно врачу и Авгану, приносили и клали на этот валун.

Завернув малыша в дели, человек в желтой одежде затопил печь. Едва он успел это сделать, как Авган бросился вон из юрты. У самого порога врач ухватил его и опять завернул в меховое дели.

Он предлагал ему молоко, Авган отказывался; давал ему мясо, но тот ничего не брал из его рук. Авган уже не кричал, а только с ужасом глядел на своего страшного спасителя.

На второй день Авган заболел. В лагере поднялось волнение. Никто не сомневался в том, что ребенок

заболел чумой. Сомневался только один человек — сам врач.

Через двое суток Авган поднялся. Прошло четверо суток. Ребенок был жив. . .

Старый Дембрил поискал глазами пиалу с чаем, и множество рук протянулось, чтобы помочь певцу. Впереди всех оказался сынишка хозяина юрты. Он взял со столика пиалу, подошел к матери. Она налила горячего чая из котла, и малыш, осторожно шагая через ноги сидевших в юрте, чинно подошел к певцу и подал ему с поклоном пиалу, и, как полагается, двумя руками. Старик принял напиток и долго глядел на мальчика. А потом, поставив чашку на кошму, обнял малыша и прижался своим морщинистым лицом к его круглой, румяной щечке. И все, сколько было в юрте гостей, заулыбались, закивали головами. А мальчик громко спросил:

— А что же было дальше?

— А дальше была радость, мой дорогой. Большая радость, и не только в лагере врачей, но и во многих сомонах, и в багах, и в простых аратских юртах. Слушайте, что было дальше.

Старый Дембрил запел о том, как всадники от юрты к юрте разнесли новость: советский врач впервые вылечил от чумы человека и человек этот — монгольский мальчик. Араты из соседних хотонов то и дело приезжали, чтобы узнать, как здоровье Авгана и врача, не надо ли чего. Чтобы привезти для мальчика и врача свежего молока, они скакали верхом и возвращались, стоя в стременах и держа в руках полные чашки. Ни капли молока не выплескивали они при этом!

Человек в желтой одежде крепко подружился с Авганом. Ласкаясь к нему, Авган все хотел снять маску со своего спасителя. И вот настал день, когда мальчик увидел лицо человека в желтой клеенчатой одежде. Он посадил Авгана у двери юрты, сам отошел на несколько шагов и снял маску с очками. И звонко засмеялся Авган от

радости. Он увидел женщину с бледным лицом и седыми волосами.

— Ты — Авган, — сказала она, — а меня зовут Соболева. Соболева, понял?

Прошел десятый день. Соболева и Авган, взявшись за руки, направились к лагерю. Их встретили там араты. Старый охотник сказал, что араты никогда не забудут поступок советской женщины-врача, которая спасла от смерти чужого для нее монгольского ребенка. И все присутствовавшие араты подтвердили это. И этот день был особенно радостным. Все население аймачного центра,

а также жители соседних сомонов собрались на центральную площадь. И вот шум на площади затих. На трибуну поднялись аймачные руководители. Начался митинг. И видят араты рядом с секретарем айкома партии Авгана. Стоял он, как маленький богатырь, в голубом атласном дели, подпоясанный оранжевым кушаком, обутый в красные гутулы, в остроконечной шапке, отороченной лисьим мехом. Араты показывали друг другу на голубого мальчика; уже многие из них знали историю Авгана.

Вдруг Авган заметил в толпе врача. Он замахал руками, на всю площадь закричал: «Соболева, Соболева, моя Соболева!» — и сбежал с трибуны. Люди расступились и помогли добраться ему до женщины с седыми волосами. Митинг приостановился. Араты окружили Соболеву и прижавшегося к ней Авгана.

Кто-то на трибуне захлопал в ладоши. Захлопали те, кто стоял около врача с мальчиком, а скоро уже вся площадь рукоплескала советскому врачу. Мужчины снимали

шапки, у многих женщин в глазах стояли слезы. Соболева, обняв мальчика, шла, сопровождаемая аратами, к трибуне. . .

— Вот и всё, дорогие друзья, — сказал старый Дембрил.

Хозяйка раздала гостям пиалы с чаем. Араты схлебывали с краешка горячую соленую жидкость, втягивая в рот чай вместе с воздухом — так не обожжешься, — и весело поглядывали на певца, рассказавшего им такую трогательную историю про советского врача.

— Хорошо, счень хорошо, старый Дембрил! — твердили они и пили горячий соленый чай с густым овечьим молоком. — Хорошо рассказал наш певец.

Дембрил пил вместе с ними соленый чай. Уже капельки пота выступили на его коричневом лбу. Второй котел заварила хозяйка юрты. Старый певец опять приложил ладонь к губам, и в юрте возник знакомый звук. Араты засмеялись.

— Смейтесь, друзья! — сказал Дембрил. — Смех и радость — родные сестры. Я рассказал вам. А вы рассказывайте другим. Из юрты в юрту полетят слова аратской благодарности. Может быть, они долетят и до смелой русской женщины.

К Р Ы Ж О В Н И К

Аймачный город окружили высокие горы; его юрты и белые домики под голубым небом — как кучка жемчуга на дне круглой раковины. Особенно высоки горы, прикрывающие город с севера. Они поднялись тут на добрых полкилометра серым гранитным лбом. Отвесная каменная стена, отполированная ветрами, без единого выступа — негде поставить ногу, не за что ухватиться рукой. Ни один смельчак не решится подняться по ней. И тем более удивительно видеть высоко над землей, на самом недоступном месте каменного лба, яркий рисунок — белые

буквы, каждая с двухэтажный дом, — на яркокрасном поле.

Камень от времени темнеет, рисунок же делается все ярче; стоит только въехать в долину, по которой с грохотом катит валуны коварный Тамир — быстрая горная река, и за несколько километров увидишь эту красную заметку.

Трудно взобраться на Лоб-гору, но местные охотники знают объездные пути; по ним, сделав круг в уртон, а то и в два, можно въехать на гору верхом на лошади. Северные, отлогие склоны горы заросли густым хвойным лесом. Глухой, едва приметной во мху и брусничнике тропой проберется монгольский конь через дебри. Час пути — и всадник окажется перед угрюмым каменным хаосом, возникающим сразу, будто из-под корней последних кедров. Лес тут внезапно обрывается, уступая место гранитным скалам. Это вершина Лоб-горы.

Привяжет охотник коня к дереву на короткий поводок, чтобы не запутался, а сам заляжет на долгие часы

за камень, выставив длинный — чуть не в метр — ствол старинного, дедовского верного ружья. Пройдет час, другой, солнце уже коснется лесного края, как частый гребешок уставленного розовоствольными соснами, а в скалах попрежнему тишина, ничто не шелохнется.

Невдалеке от того места, где залег охотник под скалой, виден серый кустик. Десять раз пройдешь рядом и не заметишь его — серый камень, серый куст; он почти лишен листьев, острыми колючками утыканы его тоненькие, но крепкие, как железо, ветки. Наколоться на них легко, но потом нелегко освободиться от шипов; они, как маленькие стрелы, входят в тело легко, а вытаскиваются трудно. Издали куст кажется чуть зеленоватым. Это потому, что каждая его ветка чуть ли не от самого корня и до вершинки обвешана, как зелеными стеклянными бусами, мелкими продолговатыми мохнатенькими ягодами. Это обыкновенный крыжовник, только в Монголии он нигде не растет, кроме как в скалистых горах. Кисло-сладкой зеленой ягоды не встретишь здесь ни на рынке, ни в руках ребятишек. Редко кто собирает крыжовник: и сам он колюч и растет в неприступных местах. Но есть лакомки до зеленых кисло-сладких ягод — горные козы. Их-то и подстерегал охотник, залегший в скалах.

Еще не зашло солнце. Кругом как будто попрежнему тихо, а охотник вздрогнул и незаметным движением поправил ружье — он услышал легкий стук. Вот еще процокали маленькие копыта, загремел о гранит сорвавшийся камень, и за соседней скалой мелькнула легкая голубая тень. Мгновение — на скале встала и замерла, как каменная, коза. Она прислушалась и одним скачком спустилась к кусту крыжовника. Наступив передней ногой на ветку и прижав ее к земле, коза стала ловко обирать губами ягоды.

Выстрел прогремел и много раз повторился в скалах. Охотник не торопясь — а чего торопиться, ружье вер-

ное! — встал, отряхнул с дели пыль и подошел к кусту. Наступил гутулой на ветку и так же, как только что делала коза, стал обрывать ягоды.

БОЧКА В СТЕПИ

Как-то министр животноводства пригласил меня поехать с ним в аратские хозяйства.

— Побываем у передовых арат, — сказал он, — посоветуемся с ними, как лучше организовать летние перекочевки. А дорогой покажу вам чудо в степи. Нет-нет, пока ничего не скажу, увидите сами. . .

Полдня уже наш «газик» несся по накатанной дороге. Можно было в десятки юрт завернуть, а мы все ехали и ехали.

— Теперь свернем, — наконец сказал министр, и шофер взял круто влево.

Машина понеслась без дороги по зеленому простору.

— Нравится вам, — спрашивал министр, — ехать вот так — быстро, чтобы дух захватывало, и без всякого направления, куда глаза глядят? Нравится? Это хорошо. Араты говорят: чем быстрее едешь, тем больше петь хочется. Иной арат целый день скачет на коне и целый день поет. Остановится — замолчит. Дальше поехал — опять запел. И каждый его поймет. Яркое солнце, безоблачное небо, теплынь, словно сидишь перед очагом, под ногами мягкая трава, как войлок в юрте, и скорость! Ах, скорость! Как тут не запеть, если на душе радость бурлит. Поверите, с удовольствием запел бы сейчас, да, сидя в кабинете, забыл, как это делается. Другой раз неприятность на работе какая-нибудь, настроение скверное — весь свет не мил. Выедешь за город и вот так, как сейчас, — целиной, километров восемьдесят в час. Ух! Вздыхнешь полной грудью и подумаешь: о чем бы запеть? А как вспомнил про песню — значит, забыл про беду. И не пел,

только подумал о песне, а неприятность, плохое настроение будто в прошлом году были.

Нет, в самом деле, — продолжал министр, глядя поверх ветрового стекла, — я, пожалуй, запою. Вы уж извините меня за голос — он у меня вроде как у лесного козла. О чем петь буду? О бочке, обыкновенной большой бочке.

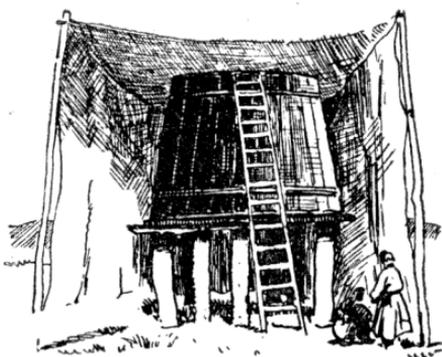
Э-э-э-э-эох! — запел министр. — Стоит в степи бочка. Стоит большая деревянная бочка. Одна стоит, никого кругом нет: ни людей, ни скота. Большущая бочка: пять юрт в высоту, две юрты в ширину. Одну кобылу подоить — до дна молоко не дойдет, десять кобыл подоить — только дно замочишь, сотню кобыл подоить — на ладонь займешь бочку. А стоит она в степи полна молоком. Ой же, сколько подоили кобылиц?

Машина сбавила ход и осторожно перебралась через балку. Министр перестал петь, ожидая, когда опять выедем на ровное место.

— Удивляетесь, почему я запел про бочку? Так и знал, что будете озадачены. Едем по делам — и вдруг бочка! А объясняется все очень просто: скоро в Улан-Баторе надомские празднества начнутся. Десятки тысяч арат соберутся. А какой праздник без кумыса! Вот и решил проверить, как здешнее аратское объединение кумыс для народного праздника готовит. Вы не заметили, где мы свернули с шоссе? Нет? Разве заметишь! Там, у дороги, на зеленой траве лежал белый камень. Это и был знак сворачивать. Откуда известно? Проще ничего нет. Вчера председатель объединения позвонил по телефону. Спрашиваю его: «Готов кумыс?» Отвечает: «Готов!» — «А где бочка?» — «После семидесятого километра, — говорит, — слева от шоссе белый камень положили». Вот и весь секрет. Белых камней много? Правильно, много. Только те сами лежат, а этот председатель положил. Э-э-э-эох!

Вскоре машина взбежала на гряды, и внизу открылась

небольшая зеленая долина. Ни юрт, ни скота нигде не было видно, только посреди долины высилось какое-то белое сооружение. Оно оказалось палаткой, установленной на высоченных кольях. Внутри на десяти столбах стоял огромный, ведер на двести, деревянный чан в железных обручах, полный кумыса. К нему приставлена лестница. А наверху за край чана прицеплен черпак.

Министр поднялся по лесенке, зачерпнул кумыса, попробовал.

— Хорош, очень хорош! — сказал он, почмокав губами. — Председатель сказал: «Все готово». Я проверил — хорош кумыс. Желаете попробовать? Пожалуйста. Теперь поехали дальше. Э-э-э-эх!

МОНГОЛЬСКИЙ ВИНОГРАД

Лес кончался. Последние одинокие сине-зеленые, изуродованные ветрами кедрачи, как сторожа, стояли на опушке. Дальше начиналась каменная россыпь — и чем выше, тем непроходимей.

Солнце заходило за гору. В такой час в лесу становится глухо, сумрачно. То завопит по-страшному дикий козел — недаром его зовут лесным лешим, — то ворон, пролетая над вершинами сосен, как в трубу прогудит — прокаркает чью-то судьбу...

Но не знают страха аратские ребята. Их ватага — трое мальчиков и две девочки — кто с ведерками, кто с корзинками высыпала на опушку.

— Куда теперь? — взглянули ребята на своего вожака.

— Вверх! — махнул тот рукой.

И вот в угрюмом хаосе скалистых обломков, среди огромных гранитных валунов зацвели голубые, красные, оранжевые — яркие деди. Медленно ползли они по камням все выше, выше, к самому гребню увала.

Уже ни деревца вокруг, ни травинки под ногами. А вожак пристально

осматривался по сторонам, что-то разыскивая.

— Вот она! — крикнул он вдруг. — А вон еще, и еще!

Рядом с валуном в рост человека из щели между двумя камнями рос кустик, едва поднявшийся от земли. По осеннему желто-зеленые мелкие листочки его едва различались. Весь он был густо обсыпан черными крупными ягодами — каждая с лесной орех.

Первые ягоды — в рот. На ребячьих лицах полнейшее удовлетворение. Маленькая девочка взяла ягоду губами и показала ее соседу. И смеющиеся глаза ее были так же черны, как ягода.

Ребята напали на целую поляну черной смородины. Присмотрелись хорошенько — и вон кустиков сколько, и на каждом густо-прегусто ягод.

Некоторые кустики были совсем маленькие, не выше спичечной коробки, а ягоды на них все равно крупные.

— Как виноград, — сказала девочка, проглотив наконец черную ягоду.

— А ты знаешь, какой он, виноград?

— Нет, — беззаботно сказала девочка, высматривая для себя новый кустик.

ОГОРОДНОЕ ЧУДО

«Захадыр» — так называли в Улан-Баторе городской базар. Ряды торговых палаток ограничивают огромный прямоугольник рыночной площади. В палатках торгуют валенками, лисьими малахаями и бобровыми шапками, гутулами, шелками, лентами, серебряными седлами, яркими тканями, зеркалами — самым любимым предметом в Монголии, охотничьими ружьями, железными печками, деревянными складными остовами юрт, волосяными веревками и многими, многими другими товарами. На площади — столики с молоком, маслом, мясом, пшеном, ячменем, дикой черной смородиной, соленьями, картошкой, капустой, огурцами, кумысом и всякими другими продуктами.

Толпы покупателей медленно движутся вдоль торговых рядов. Вот арат в людской гуще застрял с верблюдом, которого он держит на поводу. Видно, владелец верблюда часто бывает на рынке: гордое животное спокойно оглядывает толпу, даже не замечая, когда его задевают, толкают или ныряют ему под брюхо. В другом месте затерли покупателя вместе с крепким гривастым скакуном. Блеют овцы, нанизанные головами на одну веревку. Тянет их девочка лет десяти. Она не просит ее пропустить, только исподлобья поглядывает на людей, и те расступаются.

— Вот кумыс, хороший кумыс! — зазывает молодая аратка, стоя на возу около бочки с черпаком в руках.

У продавщицы кумыса нет отбоя от покупателей. Множество рук протягивают ей деньги. Объемистая, литра на два, пиала то и дело путешествует от бочки к любителям этого напитка. Не отрываясь, пьет паренек в лисьем малахае. Он запрокидывает голову все выше и выше, малахай сваливается с бритой круглой головы. Кто-то поднимает малахай и нахлобучивает на паренька, а тот все пьет и пьет.

Проглотив последние капли, парень отрывается от пиалы. Круглое сияющее лицо его красно, как шелковый халат продавщицы.

У ларька с овощами толпа зевак. Кто покупает чеснок, кто торгует картошку — она здесь дороже яблок, — кто пробует на вкус соленые луковицы. Всеобщее внимание привлекает редиска. Она висит на веревочке, покачиваясь и закрывая иногда голову продавца.

— Редиска это или не редиска? Уж больно велика, — спрашивают друг друга любопытные.

— Может быть, редька? Но почему красная?

— Возможно, свекла? — предполагает кто-то. — Но та не круглая

— Эй, хозяин! — кричит издали парень, который только что пил кумыс. — Покупаю твое огородное чудо. Взвесь-ка свою кругленькую красавицу.

Редиска на весах. Продавец кладет на тарелку гирию в сто граммов. Мало. Прибавляет еще пятьдесят. Редиска перетягивает.

— Действительно, чудо! — замечают зрители. — Редиска — с кулак, где это слыхано!

— Хозяин, раскрой секрет, чем ты ее поливал, не свинцом ли?

Хозяин ларька посмеивается:

— Солнышком, солнышком, вот чем я ее поливал. У нас, в аратском объединении, все растет хорошо, земля у нас такая. Получай, парень, свою покупку!

ГРАД

Над дальней вершиной, что за рекой Орхоном, повисло серое облако.

— Быть граду! — тревожно говорили стригальщики, показывая на облако. — Кончать надо стрижку.

С овец, положенных на кошму и уже наполовину остриженных, снимали путы. Ошалевшие от жары и страха животные с одним голым боком, а другим — в шерсти бежали к отаре, тряся жирным хвостом и высоко подпрыгивая, словно под ногами у них ползали змеи. Уж такая у них привычка: если побежит напуганная овца к отаре, обязательно начнет подскакивать на добрый

метр. Старики-чабаны так и говорят: овца больше всего змеи боится.

Араты спешно складывали шерсть в мешки. Скрипели груженные телеги — тырки, лениво шагали волю, спешно пригнанные с пастбища.

— Скорей, скорей! — поторапливали друг друга стригальщики, растягивая большую палатку.

Но как ни спешили, ливень все-таки застал овцеводов. Черная туча с белой каемкой по краям закрыла небо. Прорумел в траве ледяной вихрь, прогнав куда-то накаленный воздух, и сизая стена дождя с белой пенной полосой града у земли, закрывшая и долину, и горы, и горизонт, словно утопив все это, сразу подступила к палатке, обрушилась на нее. Парусина затрещала, будто ее рвали, и водяная стена понеслась дальше, поглотив отару овец, чабанов на лошадях, тырки с запряженными волами и погонщиков.

— Пропадут, замерзнут овцы! — заговорили стригальщики, сгрудившиеся в палатке. — Что делать?

Под парусину вбежала девушка в мокром дели, облепившем ее тонкую, как у мальчика-подростка, фигуру.

— Град идет! — крикнула она. — Что же вы стоите? Погибнет вся отара!

— А что делать, Дулма?

— Снимайте с кольев парусину, накроем ею овец.

Сорвать палатку — короткое дело. Араты потащили к отаре парусину, на ходу растягивая ее во всю ширину. Овцы, сбившиеся в тесную кучу, шарахнулись было в сторону, но чабаны успокаивающе закричали, и животные остановились. Неся палатку, люди вошли в отару, и овцы оказались под крышей. И для людей места хватило. Они вошли под брезент, на руках подняв его над головой, а кто оказался по краям — присел и наступил ногами на брезент, чтобы не заливало с боков.

Крупный град колотил по брезенту. Побелела земля от льдинок. Останься остриженные овцы под градом —

и наутро штабеля тушек уложили бы овцеводы на месте отары.

А теперь хоть и сыро под палаткой, но тепло. Овцы доверчиво жались нежными, остриженными, горячими боками к ногам людей, поднимали морды и дышали на лица людей теплым дыханьем, пахнувшим травой и молоком. И в полумраке то и дело вспыхивали зеленые огоньки — глаза добрых и послушных животных.

— Ловко мы придумали, — сказал кто-то из стригальщиков.

— Уже не ты ли? — возразили ему.

— Я и Дулма. Я подумал, а Дулма сказала.

Все засмеялись. Смеялась и Дулма, стоя у выхода палатки, тоненькая и стройная, как тростинка.

ВЕРНЫЙ СТОРОЖ

Вечером, как всегда после захода солнца, пастух погнал отару овец к своему хошану. Их не надо было подгонять — ягнята оставались на день в юртах, поэтому животные сами торопились на ночлег. Как только стало

видно в лощине юрты и ветер донес оттуда тонкие голоса ягнят, вся отара с разноголосым блянем устремилась под гору, перестав слушаться пастуха.

Когда чабан подъехал к становищу, хозяйки уже вынесли ягнят к маткам. Скоро отара затихла, охватив юрты плотным белым кольцом. Овцы улеглись тесно друг к другу, а между ними в теплой шерсти прикорнули ягнята. Наступила ночь.

Араты ушли в юрты. Около стада осталась лохматая черная собака — монгольская овчарка.

Пока кормили ягнят, доили овец и готовились к ночлегу, она лежала позади юрты и, казалось, дремала. Но как только ушли люди, овчарка обошла вокруг лежащего стада и улеглась невдалеке от него, на бугре, мордой навстречу ветру.

Умное животное хорошо знало свои обязанности. Пусть кругом темно и тихо, но не так легко обмануть сторожевую собаку, да еще такую, как монгольская овчарка. Далеко она слышит и чувствует. Вот заяц проковылял в сухой траве, спустившись с гор на ночную жировку. Лисица где-то заскребла лапами, раскапывая мышиную нору. Овчарка только носом повела в их сторону. В другое время не отказалась бы она погнаться за ними, но сейчас ей нельзя уходить от юрт.

Глухой ночью в скалах, рассыпанных у подножия ближайшей горы, поднялся матерый волк. Зверь весь день продремал в камнях в ожидании темноты. Мучительный голод гнал его к человеческому жилью.

Неслышной тенью двигался хищник по степи, изредка останавливался, поднимал тяжелую голову, замирал, прислушиваясь и втягивая воздух. Пахло людским жильем, дымом, собаками. Опытный зверь давно научился безошибочно определять становище арат. От злобы и страха шерсть поднялась у него на спине, хвост поджался под тощее брюхо. Но голод толкал туда, откуда неслись запахи теплой овечьей отары.

Волк двинулся к юртам. Вот он уже различает белое живое кольцо спящей отары. Никто не догадывается об опасности. Сейчас он бросится в стадо, поднимет его и погонит в степь. Около юрт старый хищник не загрызет ни одной овцы — на шум выбегут люди и помешают ему. Только в степи, вдали от человеческого жилья, он начнет терзать овец — обычная волчья повадка.

До отары остается сделать несколько прыжков. Волк уже приготовился к ним. Он прижимается к земле, дрожа напряженными лапами. . .

Но перед волком встает черный зверь, такой же большой, как и волк; он так же ошетинился и оскалил клыки. Мгновение стоят неподвижно друг против друга волк и собака, а затем бросаются друг на друга. . .

Утром араты нашли около юрты черную собаку — своего верного сторожа, истекающего кровью. А на месте ночного боя вытянулся матерый волк с разорванным горлом.

Никто не видел этой схватки. Овцы утром спокойно пошли на пастбище, и возле них беспечно резвились белые черноголовые ягнята.

ПОГОНЯ ЗА ДЗЕРЕНОМ

Наш «газик» взбирается без дороги на крутой холм. Лезет, цепляется колесами за корневища трав, задрал свой тупой нос кверху; только пофыркивает в холодном воздухе голубым бензиновым дымком. Минутами страшно делается — того и гляди, «газик» опрокинется. Вот вер-

шина холма. Вооружаемся биноклем и тщательно изучаем каждую балочку, каждый холм — ищем дзеренов.

Осенью эти степные грациозные светлорыжие антилопы пасутся целыми стадами; здесь не редкость стадо в тысячу, полторы тысячи голов. В долинах, облюбованных из-за корма или близости гор, в которых легко скрываться от опасности, дзерены проводят круглый год.

С вершины холма перед нами открылась одна из таких долин. Нет нужды осматривать всю местность. Стадо антилоп пасется в ложине, недалеко от нас.

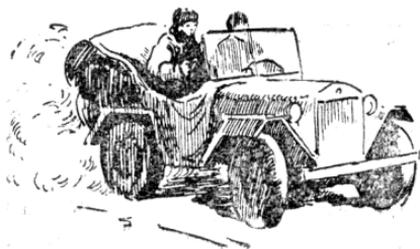
В бинокль хорошо видны тонконогие антилопы с головами маленьких комолых коров. Только у самцов голову украшают черные рожки, изогнутые назад, как у коз.

Шофер включает скорость, и машина устремляется под уклон. Теперь держись крепче! Ветер рвет сложенный сзади тент. Мелкие камни стучат по капоту и ветровому стеклу. Нельзя выглянуть — того и гляди, выбьет глаз.

Шофер Лубсан — опытный водитель, вдоль и поперек исколесивший монгольские степи, — как-то рассказывал, что ему не приходилось встречать животное более быстрое, чем дзерен.

— Не знаю, — говорил он, — как на других машинах, а на моем «газике» мотор куда слабее, чем у дзерена. Жмешь так, что стрелка спидометра на пределе, а догнать да поближе посмотреть на него, на живого, не приходилось.

Я усомнился, и Лубсан обещал при случае убедить меня. И вот случай представился.

Спустившись с горы, машина ныряет в низину. По узким балкам Лубсан совершает замысловатый, ему только понятный путь. Попетляв по ложинам, Лубсан бросает нам отрывисто;

— Приготовьтесь!

«Газик» вылетает на холм, срывается вниз, и мы оказываемся среди стада дзеренов.

Выбрав себе цель — крупного самца, шофер увеличивает скорость. Спидометр показывает шестьдесят километров. Дзерен уходит. Стрелка спидометра передвигается к семидесяти километрам. Дзерен бежит впереди машины, не подпуская нас ближе.

Скорость свыше семидесяти километров! Медленно-медленно сокращается расстояние. Я смотрю на часы. Погоня длится уже десять минут.

Дзерен не бежит, а летит над землей. Ног его не видно, они мелькают, как спицы мчащегося велосипеда. Туловище вытянуто, распластано, как в полете; шея — под прямым углом к туловищу; голова откинута назад; уши раковинами развернуты, к нам, к опасности.

Уже четверть часа, как мы гонимся за дзереном.

Постепенно приближаемся к антилопе, заходим чуть сбоку. Несколько мгновений нам хорошо видно рыжее животное, машина почти сравнялась с ним. Но тут дзерен применяет удивительный маневр.

С непонятной легкостью, будто инерции вовсе не существует, он упирается четырьмя ногами о землю, поворачивается и — кажется, с той же скоростью — устремляется в обратном направлении. Только столб пыли поднялся в том месте, где повернула антилопа.

Ее маневр едва не обошелся нам дорого. Разгоряченный погоней Лубсан круто разворачивает машину; оба правых колеса отделяются от земли, машина накреняется, и несколько мгновений мы на волоске от аварии.

Поворот пришлось при подъеме на холм — это спасло нас. На ровном месте опрокинулись бы.

Опасность миновала. Не дзереи далеко. Пока мы вернулись, его уже еле-еле видно.

Лубсан снова набирает скорость. Он кричит в азарте: — Догоню обязательно!

Но теперь это уже лишнее.

— Сбавляй газ, Лубсан. Оставь в покое рыжего, он стоит этого. Не всякий проведет такого опытного шофера, как ты.

Лубсан останавливает машину. Все мы стоим и стараемся разглядеть вдали убегающее животное.

ТАЙМЕНЬ

В Монголии многие реки когда-то считались священными. Одна из них — река Орхон. Она неглубокая, но быстрая и капризная, вся в протоках и островках, заросших кустарником, по-здешнему — бургасом. Орхон — рыбная река, в ее омутах местами стоят большие осетры; а таймени — это крупная рыба из лососевых — и щуки водятся в изобилии. Рыбу до того легко поймать, что, кажется, никакого труда для этого не нужно. Вот как мы с пастушонком Аюшем однажды поймали большущего тайменя.

Снасть наша была обычной для ловли крупного хищника. Взяли тройной крючок наподобие маленького якоря и отточили его напильником. Между леской и крючком ввязали с метр проволоки, для того чтобы зубастая рыба не перепилила леску и не ушла с крючком. Поймали карася и посадили его на тройной крючок хвостом к леске. Иначе насаживать нельзя — хищная рыба хватает мелочь всегда с головы. Спорили, какую взять леску: я предлагал тонкую шелковую, а Аюш настаивал на шпагате, каким вяжут снопы.

— Вы, — говорил он, — не знаете наших рек. Тут не

то что шпагат, а целый канат нужен! Орхонская рыба — настоящий зверь.

Пришлось уступить.

Вечером забросили снасть с насаженной рыбешкой в воду, метра на три от берега, привязали бечевку к колышку и ушли спать. Не верилось, чтобы что-нибудь могло попасться на нашу приманку. Утром даже забыли во-время проверить снасть; на речку пришли только в полдень.

Первым к берегу подошел Аюш. Посмотрел, покачал головой и сказал:

— Какое-то дерево зацепилось за наш крючок.

Смотрю — действительно, на конце лески плавает какое-то зеленое неподвижное бревно метра в полтора длиной. Ну, думаю, плыло оно и задело за крючок. Только Аюш потянул за бечевку — всколыхнулось, ожило бревно. Забурлила вода, зазвенел натянутый шпагат, заметался таймень, как раненый зверь. То из воды выскочит, по-страшному разинув пасть и кольцом свив свое толстое тело, то устремится в глубину и вот-вот оборвет шпагат. Хоть он и крепкий, а по сравнению с отчаянными усилиями рыбы кажется теперь ненадежным. Действительно, нужен канат. Тащил, тащил Аюш и бросил:

— Так нам не вытащить: оборвет таймень леску или перекрутит проволочный поводок. — И сел, огорченный, прямо на мокрый прибрежный ил.

Взялся тащить я. Таймень рвется с такой силой, что шпагат больно держать. Вот-вот уйдет рыба! Кричу Аюшу:

— Возьми винтовку! Как выйдет таймень на поверхность — стреляй!

Вывалился таймень на поверхность воды, приложился Аюш и выстрелил. Рванулась рыба в темную глубину. Ну, думаю, все пропало, уйдет. Нет, опять вынырнул. Второй выстрел у меня под ухом, третий. После четвертого выстрела перевернулся таймень белым брюхом вверх. Вытащили мы его на берег.

Предложил я Аюшу взять тайменя на седло. Но мой товарищ по охоте отказался.

— Боюсь, — признался он. — Отец узнает, что я помогал вам, заругает: монголы рыбу не ловят. Старые люди говорят — грех.

Привязал я тайменя к своему седлу. Шарахнулся сперва рыжий конек: в рыбе почти два метра, а монгольский конь и на полтора не вырос. Бежит конь, а хвост тайменя волочится по земле.

СОРОКА

К аратской юрте повадилась летать смешная сорока: совсем без хвоста и с яркой тряпочкой на груди. Кто-нибудь поймал воровку, вырвал хвост и, чтобы была заметной, пришил ей к перьям на зоб кусок сукна.

Сорока потеряла свой нормальный птичий вид. Стала куцей, жалкой и, как мне показалось, несчастной. Не птица, а урод какой-то. Куда же ей теперь без хвоста, думал я. Но, оказывается, и без хвоста она летала неплохо.

Явится на крышу юрты и одна наверещит больше, чем добрый десяток сорок. И все норовит нырнуть в дверь или в верхнее отверстие аратского жилища — стащить что-нибудь.

Хозяйка выгонит ее метлой, а сорока сядет на трубу и сверлит оттуда злым глазом обидчицу.

Разостлал арат как-то на крыше юрты свежую овчину, чтобы высушить. Налетело на нее сорокъё, штук пятьде-

сят. Крик, драка на овчине. Стараются птицы ухватить кусочки мяса, еще оставшиеся на шкуре.

Вдруг прилетела бесхвостая сорока. Затрещала, опустилась в самую гущу птиц и стала разгонять их. Одну клюнула, другую — и всех распугала. Сороки отлетели, уселись на крыше, с опаской поглядывают издали. И никто из всех товаров не дал забияке сдачи.

Тут вышел из юрты арат. Заметил бесхвостую задиру и покачал головой.

— Совсем испортился характер у птицы, — проворчал он.

А увидев меня, засмеялся и, кивнув на сороку с тряпкой на груди, сказал:

— Вот они, отличия-то, что иногда делают даже с птицей!

В ДОЛИНЕ

Солнце опустилось за гору. В широкой долине наступил вечер, тихий, теплый, какие выдаются здесь в сентябре.

В долине — устье небольшой горной речки. Перед тем как влиться в огромное соленое озеро Убса-Нур, она смирила свое быстрое течение, расплелась на сотни извилистых рукавов — ручейков, местами ушла без всякого русла в луга, покрытые густой, высокой травой, и стала там неподвижными зелеными озерами.

Вода здесь — повсюду. Два-три километра можно

пройти по долине, и везде ноги погружаются в холодную воду, прежде чем стать на землю. Только на небольших островках песчаной почвы, обросшей кустарниками и слегка возвышающейся над низиной, можно найти сухое местечко, чтобы посидеть покурить.

В этот вечер, увлекшись охотой, я забрел особенно далеко. Непуганые утки подпускали близко, то и дело взлетали из-под ног целыми выводками. О возвращении я подумал, когда наступили сумерки и трудно стало различать птиц, проносившихся над головой. Но то ли из-за быстро наступившей темноты, то ли от усталости — я потерял верное направление, стал плутать, несколько раз проваливался в ямы и, покружив по болоту, понял, что заблудился. По пояс мокрый, вылез на первый попавшийся остров, сбросил сетку с дичью и прилег на сухой песок. Я готовился уже здесь остаться на ночь, как вдруг заметил сквозь кустарник огонь; я пошел на него и вышел к аратской юрте. Черные собаки набросились на меня, но хозяин отогнал их. Скоро я уже сидел перед очагом, в котором горели ветки караганы, и пил соленый чай с овечьим молоком, закусывая сухим творогом.

В юрте, на которую я так счастливо набрел, жили арат Дамбинима, его жена и двое сыновей. Старшему было лет десять, а маленький только что научился ходить; он совершенно голый грелся около очага, поворачиваясь к огню то спиной, то животом.

Пятым в юрте был гость — пожилой монгол. Сперва я не заметил этого человека. Устраиваясь поудобнее, я прислонился спиной к детской кроватке, сбитой из тонких палок, и, нечаянно обернувшись, вздрогнул, как вздрагивают люди от страха и омерзения, когда неожиданно ви-

дят змею. В детской кроватке, скорчившись, лежал старик, коленями упираясь в подбородок. На его голом черепе около ушей торчали клочки седых волос. Плоский нос с широкими ноздрями, без переносицы, был вровень со скулами. Кожа на его лице, вся в мелких морщинках, краснела, как кусок мятого, изношенного сафьяна. Старик лежал неподвижно, точно большое насекомое, изредка мигая или совсем закрывая глаза.

В серебряной пиале, какие ставят в юртах перед почетными гостями, малыш, по указанию матери, отнес гостю чай. Протягивая ручонками пиалу, малыш качнулся и пролил горячую жидкость на старика. Гость с неожиданным проворством вскочил и толкнул мальчика. Тот упал, но не заплакал, только подошел к матери и уткнулся ей в колени.

В котле закипела вода; туда бросили крупные куски баранины. Минут через пятнадцать хозяйка достала из кипятка лакомый кусок — плечевую кость с большим куском мяса, — и опять голый мальчик, по знаку матери, отнес ее старику. На этот раз тот сел, вынул из-за гутулы нож и, чавкая и роняя слюну, стал есть, вгрызаясь в мясо и отрезая его перед самыми своими губами.

Когда на кости не осталось ни кусочка мяса и она стала белой и чистой, гость протянул ее хозяину. Ловким ударом ножа Дамбинима разбил трубчатую кость и осторожно, чтобы не растерять мозг, на ладонях поднес лакомство гостю. Затем протянул ему свою трубку, набитую табаком и раскуренную. Только после этого сели ужинать мы. Как я ни приглашал жену Дамбинима сесть вместе с нами, она отрицательно качала головой, с опаской

оглядываясь на старого монгола, будто только его присутствие мешало ей поступить так, как просил я. Старые ламские законы запрещали женщине есть вместе с гостями.

После ужина мы с хозяином вышли из юрты.

— Спать будем в другом месте, — сказал Дамбинима.

Я понял его так, что меня устроят на ночлег в другой юрте, поскольку у него есть уже один гость, и удивился: араты никогда не отказывают в гостеприимстве, сколько бы путников ни зашло. Когда мы с ним вернулись, остатки ужина были убраны. Старик лежал в кроватке, закрыв глаза, а жена Дамбинимы укладывала сыновей на кошме.

Она не обернулась, когда мы вошли. Она обнимала маленького сына, прижавшись губами к его круглой, румяной щечке, и шептала, утешая его. Медная лампадка перед тусклыми тибетскими изображениями богов едва освещала мать с детьми, но мне показалось, что в глазах женщины стояли слезы. Я взял свои вещи и вышел.

Не хотелось докучать Дамбиниме вопросами, ему было и так тяжело. Может быть, это был лама? Как бы угадав мои мысли, Дамбинима сказал:

— Это старый лама. Живет у арат по очереди. Где понравится, остается дольше, где плохо примут — перебирается в другую юрту. К нам с женой явился сегодня. Мы все думали, что к молодым не пойдет, побоится, а вот все-таки пришел. Что делать, не знаю прямо!..

Дамбинима стоял задумавшись. Позади нас зашумели кусты. Дамбинима обернулся и вдруг решительно шагнул в темноту. Он вернулся в юрту.

Вскоре мимо меня проехал всадник. В седле неуклюже сидел лама, накрывшись широкополой круглой шляпой с бахромой, свисающей на лицо. Поравнявшись со мной, он злобно зашипел проклятья, задергал повод, заколотил пятками по бокам лошади; та затрусилась рысью, и мрачный всадник сгинул в темноте.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Днем ударил сильный мороз, и когда мы с зоотехником госхоза Цереном на закате подъехали к озеру, вслух мечтая об азартной охоте на последние партии гусей и уток, то увидели унылое, застывшее озеро. Льдом затянуло всю воду между островками; лед был и на открытых местах. Над озером с заманчивыми заливчиками и протоками, на которых обычно бывало полно дичи, не было видно ни одной птицы.

Постояли мы на берегу пустынного озера, подумали, а потом решили: пусть нет птицы, посидим вечернюю зарю на озере, как в августе и сентябре, — авось кто-нибудь прилетит. Не возвращаться же ночью домой, не сделав ни одного выстрела!

Разошлись по камышам. Над озером ни звука. Тихо и глухо, как зимой. Солнце зашло за холмы.

Чтобы не замерзнуть, я нарвал сухой травы, устроил толстую мягкую подстилку в густых зарослях на маленьком острове и уселся лицом к закату, подобрав под себя цолы полушубка. Слышно было, как и мой товарищ устраивался: пошуршал сухим камышом и успокоился.

Томительно ожидание. Над головой пустое бледное небо. Не видно ни одной птицы. А как часто бывало появлялись они! Прогрохочут очередные выстрелы, унесутся напуганные утки на соседние болота. Пройдут минуты в тишине. . . И вот с замиранием сердца видишь вдали, в вечернем небе, живую точку. Она быстро растет, приближается; вот уже различаешь кряковую утку, стремительно налетающую на тебя, она уже над головой трепещет крыльями. Выстрел — и птица складывает крылья, по инерции еще продолжая полет. Темный комок падает на землю, а ты уже высматриваешь новую жертву.

Сколько удовольствия в этом ожидании! Спрятаться по-звериному в тени, чтобы осторожная птица не различила опасность даже своим острым глазом, выстрелить по стремглав летящей утке, верно выстрелить, — из-за этого стоит не поспать ночь, стоит помучиться в дороге.

Но все это в прошлом. А сейчас — тоскливый желтый закат, морозный воздух да тишина, зимняя тишина. . . Невеселые мысли приходят на ум в такой вечер. Еще одно лето ушло незаметно, прибавился еще один год. Защемило от грусти сердце. И камыш — такой веселый, темнозеленый, буйный летом, облепленный бывало мошкаркой, — теперь сухой, бурый, поломанный.

Потемнело небо, сумрак спустился на озеро. Только над горой, за которой скрылось солнце, горит еще желтая полоса.

Нахохлившись, спрятав подбородок в воротник, устремив глаза на потухающее небо, сидел я на своей подстилке. Ружье, как у огородного чучела, торчало подмышкой.

Над горой протянулись волокнистые облака, чуть-чуть розовевшие от зари. И вдруг мне показалось, что из этих розовых облаков донеслись мелодичные, переливчатые звуки. Как будто зазвонили колокола. Те колокола, что монгольские ламы развешивали когда-то на крышах своих монастырей, чтобы ветер раскачивал их и чтобы

унылый тихий звон напоминал людям о молитве. Звуки однообразные, но такие ясные, что на сердце сразу потеплело.

Колокола громче, ближе. Из-за холма появилась плывущая в воздухе большим треугольником стая крупных белых птиц, неторопливо взмахивающих крыльями.

Стая лебедей-кликунов подлетела к озеру, развернулась и направилась длинной цепью к моему островку. Черные лапы птиц вытянуты назад. Крылья машут спокойно, кажется без труда. Полет ровный, неторопливый; как видно, издалека летят и далеко еще собираются лететь. Вот бы заночевать им на нашем озере! Куда лететь сейчас — уже темно.

Стрелять в этих красивых птиц, так неожиданно явившихся на наше озеро, невысказанно.

Лебеди пролетели над засадой и потянули над Цереном. Как он поступит? Будет стрелять или нет? Птицы летят низко, цель крупная, попасть не трудно. Весь вечер мы не сделали ни выстрела. Молодой человек, да еще охваченный охотничьим азартом, удержится ли он, чтобы не попытаться убить лебеда!

Цепь белых птиц проплыла над молодым охотником. Он не выстрелил. Лебеди сделали еще один круг и опустились на большой остров. Песня смолкла.

В темноте, крадучись, чтобы не спугнуть белых гостей, мы вернулись к стану. На берегу озера меня встретил Церен. Я не успел ему ничего сказать, как он схватил меня за руку и взволнованно зашептал:

— Я очень боялся, что вы станете стрелять по лебедям, очень боялся. Спасибо вам, что не выстрелили, дорогой вы мой друг!

Развели мы костер, стали кипятить чай, а сами радостно хвалим друг друга, что не стали стрелять по лебедям. Кипит чай, булькает в котелке лапша с мясом, с невероятной быстротой приготовленная искусными руками Церена. Небо над нами темное-темное.

А Р Г А Л И

В горах Монголии водятся дикие овцы — аргали. На утренней заре они небольшими стадами выходят на скалистые вершины и стоят в ожидании солнца. Самец с огромными ребристыми, скрученными в два-три витка рогами — добрый метр от кончика одного до кончика другого рога — взберется на самую высокую скалу, выше которой нет в округе, поднимет тяжелую голову и замрет, сам как каменный, серо-розовый под лучами восходящего солнца, в один цвет со скалой.

Самки аргали меньше ростом. Они или совсем комолы, или с тонкими, короткими рожками. Необычайно красивы их глаза, большие, печальные.

Когда овца стоит на ровном месте, то кажется, что она уродлива: задние ноги к туловищу не подходят, до того они длинные. Но в горах длинные ноги служат дикой овце верную службу. Она, спасаясь от опасности, совершает чудовищные прыжки со скалы на скалу, через пропасти и расщелины. В горах не то что поймать овцу живой, но и убить — дело трудное даже для опытных охотников-монголов.

Одна дикарка была поймана сосунком, месяцев трех-четырёх от роду, в долине, куда спустилась группа диких овец в поисках лучших пастбищ и воды. Араты-пастухи, заметив диких овец, пустились в погоню. Взрослые животные успели скрыться в скалах, а маленькая, не сумев убежать от погони, воспользовалась тем способом защиты, которому ее научила природа. Она легла в тени от большого камня, прильнула к земле и замерла, как неживая. Ее серая шкурка как нельзя лучше подходила к цвету камней, и она спаслась бы, наверно, от рук пастухов, но с пастухами была собака, а от собачьего носа не спрячешься.

Год прожила маленькая аргали в аратской юрте. Постепенно привыкла брать корм от людей. Начала с соски,

а позже стала сама выпрашивать пищу у людей. Приручалась дикая овца удивительно быстро. К шести месяцам она, как собачонка, бегала за аратскими детишками. И даже хозяйина себе не выбрала — привыкла сразу ко всем.

Приехала аргали в Улан-Батор, на животноводческую выставку, в кузове грузовой машины, вместе с аратом, поймавшим ее год назад. Хозяин сошел с машины, а аргали недолго думая перескочила через борт. Для нее такой прыжок — сущий пустяк.

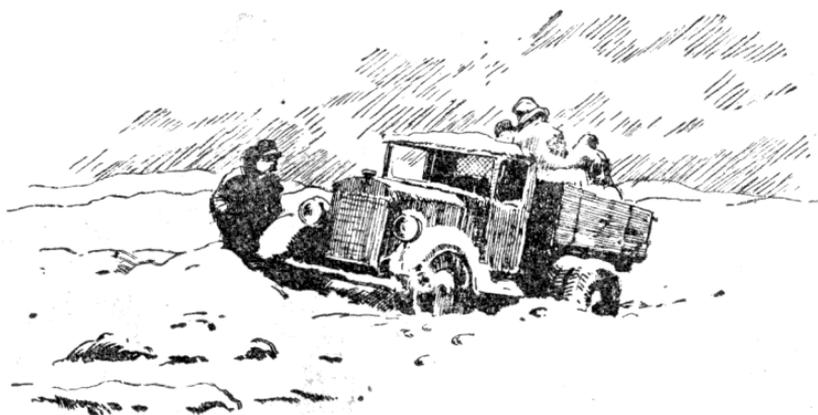
В Монголии очень любят приручать животных и птиц. Здесь даже есть закон, поощряющий жителей приручать диких животных.

ШУРГАН

На юге Монголии пустынно. Можно проехать сотни километров и не встретить жилья, не найти воды. Зимой такие места опасны. Здесь в снежные зимы, случается, гибнет не только скот, но и люди.

Однажды во время зимней поездки испортилась почтовая машина. До ближайшего поселка было километров сорок-пятьдесят.

Наступал вечер, добраться засветло до аратских юрт нечего было и думать. Все аратские хозяйства откочевали. Искать их ночью в снежной пустыне — рискованное дело. Но оставаться возле неподвижной, заколеченной автомашины тоже не лучше.

Машина была брошена на дороге, а пассажиры двинулись в путь; решили идти, надеясь добраться до какого-нибудь жилья.

Кругом расстилалась снежная холмистая пустыня. Ни волк, ни лисица не оставили здесь своих следов. Скот угнали, а за ним ушли и звери.

Последний раз осветив оранжевыми лучами неподвижные снежные просторы, солнце скрылось за горами. Наступили сумерки.

Путники подбадривали друг друга шутками, говорили, что где-то недалеко должны быть юрты, что пахнет дымком, а у каждого сердце сжималось. Никаким дымком не пахло, и едва ли могли быть близко юрты.

Идти по мягкой дороге было тяжело. Шагали, шагали, а ушли недалеко. Обернутся — и на снегу попрежнему видна черная машина.

Почти совсем стемнело, трудно стало различать под ногами дорогу, и началось самое неприятное: подул северо-западный ветер. Поднялась обычная для здешних мест снежная пурга — шурган. Рыхлый сухой снег понесся над землей. Дорогу занесло в минуту. Люди двигались навстречу метели, по плечи скрытые летящими массами снега.

Скоро пришлось остановиться, идти дальше было бес-

смысленно. Путники прижались друг к другу, повернувшись спинами к ветру, засунув руки в рукава и запахнув полы. И ветер сразу же намел около сугроб.

— Давайте сядем, — сказал один из них.

Сели, сжавшись, сколько было можно. Начали коченеть ноги и руки.

— Вот так люди-то и замерзают, — сказал кто-то.

Так и погибли бы путешественники. Но помог счастливый случай. Из метели на людей надвинулись седые от снега чудовища. Они пронеслись чуть правее от сидящих людей и скрылись в метели. То был табун лошадей, угощаемый шурганом.

Следом из метели вынырнули всадники. Они поскакали за табуном. Но один остался около заблудившихся. Он шагом направлял коня, а путники, прижавшись к бокам животного, брели рядом.

Всадник с красным, потным лицом, хотя и засыпанный снегом, наклонился и сказал:

— Табун скоро остановится. Дойдем до него. Шагайте мало-мало.

На пути встретился еще всадник.

— Вон он, табун. Все хорошо!

Скоро путники добрались до машины. С подветренной стороны грузовика, сбившись в кучу, стоял табун.

Рядом с машиной появилась палатка, перед ней ярко запылала резиновая крышка, политая бензином. На треноге закачался чайник. И как будто не было ни страха, ни опасности.

— Заблудились, товарищи? — спросил, улыбаясь, один из арат, разламывая плитку чая, чтобы бросить ее в закипающий чайник.

— В шурган легко потерять дорогу, — подтвердил другой, набивая табаком трубочку.

— А чьи это лошади?

— Аратского объединения, — сказал тот, что заваривал чай.

— А вы кто?

— Мы из объединения. Вот утихнет буря — и поедem домой, и вы с нами. А пока выпьем чаю. Хороший чай, горячий.

Все расположились вокруг чайника, пиалы наполнились крепким соленым напитком.

Араты, узнав, что среди «спасенных» есть ветеринарный врач, обрадовались.

— Нам удача, — сказал старший табунщик: — нужных людей встретили на дороге!

И заговорил он о делах, в которых нужен совет специалиста. И ни слова о шургане, об опасности, о том, какая услуга оказана людям, словно все это пустяк, не стоящий внимания.

ДИКАЯ ЛОШАДЬ

Дикая лошадь Пржевальского... Кто не мечтал видеть ее, зачитываясь книгой великого путешественника! Одна из таких лошадей была поймана на западе Монголии.

Во время поездки в гобийские аймаки недалеко от города Кобдо группа научных сотрудников повстречала небольшой табунок диких лошадей. Местность была ровная, машина могла развить большую скорость, поэтому лошади не успели скрыться в горах.

В табуне скакал маленький жеребенок. Он не мог бежать быстро и сразу отстал, а вместе с ним отстала и его мать.

Два раза жеребец — глава табуна — возвращался к отставшим: кусал, лягал кобылицу, всячески подгоняя ее, но в последнюю минуту жеребец умчался к своему косяку.

Кобылицу охотники убили, а жеребенка поймали, искусно набросив на шею аркан. Мокрый от пота, дрожащий, едва живой от страха и переутомления, малыш на

автомашине был доставлен в одно из хозяйств министерства животноводства и пущен в табун племенных маток. Сперва жеребенка подкармливали из рожка, а потом дикарь приспособился сам воровать молоко у кобылиц и остался жить.

Прошло восемь лет. Жеребенок превратился во взрослую кобылицу. Она живет на конном заводе, пасется вместе с племенными лошадьми, никуда с завода не уходит. Знает людей, привыкла их видеть, но тем не менее сохранила не только внешность дикой лошади, но и ее характер. Она не подпускает даже пастуха, который ежедневно пасет табун. Дикарка не позволяет накинуть на себя аркан. Она умеет прятать голову, на скаку опуская ее между передними ногами; даже самым опытным пастухам редко удается заарканить ее. Если ее окружают и ей некуда больше деваться, она бросается на людей с ослепленными зубами и норовит ударить не задними ногами, а передними. Для этого она встает на дыбы, идет на задних ногах, злобно визжит и взмахивает передними копытами, как оружием.

Живет дикая лошадь и лето и зиму на центральной усадьбе конного завода. Она могла бы уйти на все четыре стороны — никто ее не охраняет, никто не удерживает. Но лошадь никуда не уходит, каждый вечер аккуратно является с пастбища к конюшне. Чаще она ходит вместе с маленькой группой племенных рысистых маток.

Рысистые матки придут с пастбища, сходят на водопой и отправляются в конюшню, каждая в свой денник, где им приготовлен корм на ночь. А лошадь Пржевальского в конюшню заходить не желает, даже корм ее не привлекает.

Однажды во время снежной пурги ее загнали в денник, чтобы она не замерзла. Оказавшись в помещении, она, как бешеная, стала бросаться на стены, поранила себя и разбила денник. С тех пор ее больше не пытались загнать в конюшню.

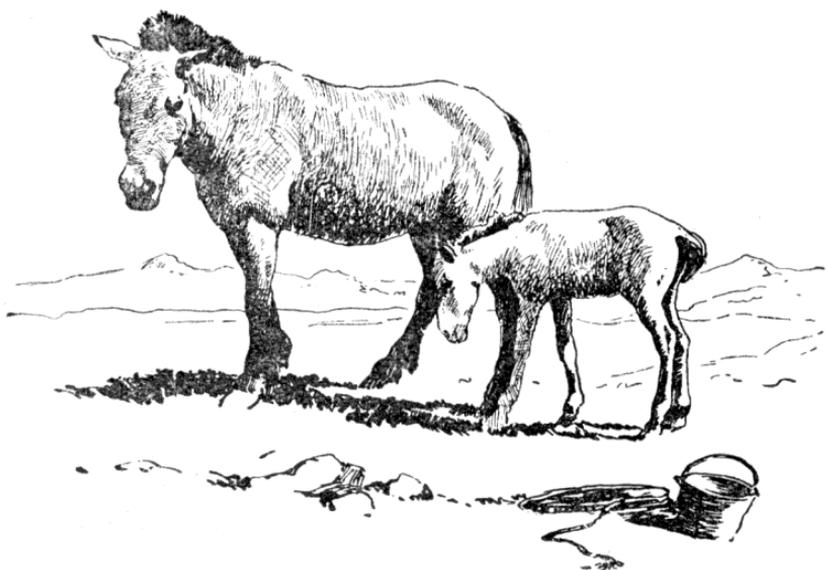
Чем объяснить, что дикая лошадь привязалась к рысистому косяку, сказать трудно; может быть, ее привлекает лучшая кормежка или меньшее беспокойство — этот косяк далеко не гоняют. Во всяком случае, у лошади Пржевальского косяк рысистых маток — любимый. Всех остальных лошадей она не переносит и обыкновенно избивает. Если она попадает в табун монгольских лошадей, там начинается драка — только и слышны гулкие удары по лошадиным животам да злобные взвизгиванья избиваемых и самой забияки. Подравшись, дикарка уходит из чужого табуна и отправляется разыскивать своих рысаков.

Раз пришлось наблюдать, как она относится к другим животным. Лошадь паслась недалеко от конюшни. Собака подбежала к самой лошадиной морде и только собиралась тявкнуть, как получила удар передним копытом. Отлетела собака в сторону, но от лошади не отстала, принялась яростно лаять, отскакивая всякий раз, когда лошадь намеревалась ее опять ударить или укусить.

Тогда злая лошадь пустилась на хитрость: она сделала вид, что не замечает собаки. Сколько та ни лаяла, ни кидалась, лошадь спокойно щипала траву, только косила черным глазом из-под толстого века, следя за поведением врага.

Осмелевший пес намеревался было уже укусить лошадь, припал на передние ноги, оставив зад и вертя хвостом. Дикарка быстро обернулась, вцепилась зубами в собаку, подняла ее на воздух, мотнула из стороны в сторону и швырнула от себя.

У дикой кобылы не было жеребят. Работники завода уже решили, что в неволе дикарка не принесет потомства. Но в начале своей девятой весны дикая кобыла разродилась жеребенком светлой масти — в мать, но на тонких ножках и с маленькой головкой, какие бывают у жеребят культурных пород. Отцом гибридного жеребенка был чистопородный донской производитель.

Лошадь мучилась долго и, родив жеребенка, ослабела так, что не могла поднять голову от земли; вытянув ноги, закинув голову, редко и трудно двигая мокрыми боками, она погибала.

Малыша, чтобы не сдох от голода, укладывали около матери и подталкивали мордой к черному вымени.

Спас лошадь ветеринарный фельдшер Чайван. Он дежурил около больной двое суток, без сна. И в конце концов выходил ее. На пятый день лошадь встала, и первое, что она сделала, это укусила своего спасителя, когда тот наклонился, чтобы помочь жеребенку найти сосок. Затем, воспользовавшись открытыми воротами изгороди, ушла на пастбище и увела своего тонконового, худенького сына.

Теперь ни одна другая лошадь не могла подойти к ней близко, даже и из косяка рысистых кобыл. Если жеребенок ложился на землю и засыпал на солнышке, дикая лошадь переставала пастись, становилась около него и

осматривалась по сторонам. Еще издали завидев другую лошадь, она прижимала уши, вытягивала по-змеиному голову, грозя оскаленными зубами.

Если жеребенок вставал на ножки и ходил за матерью, то с какой бы стороны ни подошел кто-либо, всегда мать оказывалась впереди жеребенка, закрывая его своим телом от любопытных.

Дикая лошадь стала просто невыносима для других лошадей, и, как бы понимая это, она ушла из табуна. Она стала пастись одна со своим жеребенком.

Кажется, за это время лошадь Пржевальского стала еще более дикой, чем была до рождения жеребенка. Однажды работники конного завода собрались сфотографировать ее. Настроили фотоаппарат, но с какой бы стороны ни подходили — жеребенок был закрыт. Промучившись с полчаса, они решили обмануть животное. В то время как с одной стороны двигался фотограф, с противоположной стороны подходил другой человек.

Лошадь, заметив подвох, колебалась одно мгновение, затем приняла свой обычный устрашающий вид, встала на дыбы и пошла на фотографа. Плохо пришлось бы ему, если бы не оказалась рядом изгородь хошана, — он успел за нее спрятаться под самым носом у разъяренной лошади.

К сожалению, матка не сумела сохранить своего первенца. Однажды ночью разыгралась трагедия. К месту ночевки матки с жеребенком пришли волки. Борьба была долгой. Земля вокруг оказалась изрытой копытами, трава с корнем вырвана, клочья волчьей и лошадиной шерсти остались на месте боя. Наутро жеребенка около лошади Пржевальского не оказалось. Два дня она ходила одна, на третий пришла в общий табун и больше из него не уходила.

В следующем году дикая кобылица принесла второго жеребенка, и опять отцом ему приходился производитель донской породы.

РАССКАЗ ПОГОНЩИКА ВЕРБЛЮДОВ

В небольшой палатке, раскинутой прямо на снегу, тепло, хотя стенки ее в дырах и вход ее не закрыт. От костра, пылающего в двух шагах от входа, ветром вместе с дымом в убогое убежище заносит и нагретый воздух. Посреди палатки на куске войлока пышет паром медный чайник, на дощечке — куски жирной баранины.

Что надо еще путникам, привыкшим к морозам, ветрам да метелям! Чуть теплее, чем на дворе, — и уже хорошо. Сытный ужин, теплый спальный мешок из козьих шкур — они самые теплые после собачьих, — и утром встанет погонщик верблюдов бодрым, веселым и запоет песню, поднимая верблюдов и навьючивая на них тяжелые тюки.

Уже не одна выкурена трубочка, а костер все пылает. Самый старший погонщик — Дагор потрогал свой совершенно голый череп и удивленно хмыкнул:

— На дворе крепкий мороз, а на моей голове капли дождя. Вот он, чай-то, что делает!

Он пососал трубочку.

— Многих у нас хвалят, — снова заговорил он: — у кого много скота — хвалят, ордена дают; кто много сена накосил — хвалят; кто урожай ячменя получил — тоже хвалят. А чтобы погонщика верблюдов похвалить — я что-то не слышал. Вам, приезжим людям, слышать этого не приходилось?.. Нет? Ну вот, я тоже говорю. Всех погонщиков, конечно, зачем хвалить? Мы, к примеру, идем и идем своей дорогой, придем в сомон, товары свалим и обратно пойдем. За что нас хвалить? Но одного погонщика я знал, так тот стоил похвалы. Рассказать о нем? Пожалуй, расскажу. Только что ж тут много рассказывать! Одним словом, хороший был парень Бургут. Правда, кое-кто считал его отчаянным; у нас в хотоне побайвались его, говорили — на разбойника похож, мол, убить может. Так ведь это снаружи. А снаружи человека

не сразу узнать можно. Выкидывал иногда Бургут штучки — это точно, с ним такое бывало.

Но как навяжем десятка два верблюдов да пойдем с караваном через горы — лучшего погонщика, чем Бургут, и не найдешь. Другой раз сутки, вторые не спим, идем и днем и ночью, чтобы быстрее до базы добраться. Некоторые погонщики на ходу с верблюдов сваливались — засыпали. А Бургут, если его очередь впереди идти, скинет малахай — какой бы мороз ни был, — песню поет и идет, идет без усталости. Хорошо работал, очень хорошо! Но горяч был, шибко горяч. Раз не его очередь была вставать ночью костер жечь. А был у нас другой погонщик, Доржи, — плохой человек, лодырь, только и ждал, кто за него за дровами сходит, или палатку разобьет, или верблюдов стреножит. Возьми он да разбуди Бургута. «Иди, — говорит, — к костру. Разлегся! Видали лодыря?» Не схвати мы во время Бургута, были бы то последние слова Доржи. Выхватил Бургут из-за гутула нож, каким араты овец режут, и замахнулся так, что опустил он руку, несдобровать бы обидчику. Втроем держали мы Бургута, пока он не одумался. Глазами готов съесть Доржи. «С ума сошел, что ли?» — спрашиваю его. А он только скрипнул зубами, вырвался от нас и выбежал из палатки.

Доржи потом всю ночь не спал — боялся. А Бургут, как мы утром узнали, положил двух верблюдов рядом, сам лег между ними, накрылся брезентом, да и проспал до утра. Утром смеется, как будто ничего и не было между ними. «Что, — говорит, — напугал я тебя, Доржи? В другой раз не буди вне очереди».

Мог ли он убить человека? Однако, думаю, нет, не смог бы. Судите сами, каким он был, наш Бургут. Однажды шли мы в феврале от реки Селенги. А холода в ту зиму стояли лютые — птицы на лету в кусок льда превращались. Свернули мы тогда от реки в горы, перешли два-три дабана, и, чувствую я, мороз стал так крепчать,

что дышать прямо нечем. Верблюды на ходу дрожат, никогда раньше с ними такого не бывало. Погонщики молчат, ёжатся. Даже Бургут притих. До юрт далеко, к ночлегу только полагали добраться. Верблюды идут все медленней да медленней, а мороз все сильней да сильней.

«До беды, — думаю про себя, — недалеко. Остановиться никак нельзя». «Давай, — кричу ребятам, — быстрее гони верблюдов, спать кто не вздумай!»

И тут на дороге что-то зачернело. Подъезжаем ближе, смотрим — лежит на тропе не то волчонок, не то кутенок. Свернулся клубком и не шевелится. Верблюды рядом прошли — ни один не наступил, — он и головы не поднял. «Наверно, араты ехали, обронили кутенка, он и замерз», — неясно так мне подумалось. В такой мороз и мысли в голове застывали. Никто не остановился, проезжая мимо кутенка, не остановил своего верблюда и Бургут. Едем и едем молча. Кутенка уже и не видно на тропе, так далеко отъехали. А я все больше и больше тревожусь: что, если станут верблюды? Погибель тогда всем нам.

Думая этак, я считаю в уме, какая часть уртона осталась до юрт, как вдруг кто-то за мое стремя взялся. Гляжу — Бургут. Слез он со своего верблюда, оставил его в связке, а сам идет пешком рядом со мной.

«Дагор, — говорит, — я тут скоро, вы не ждите меня, я догоню».

«Ты, — спрашиваю, — что надумал, Бургут?»

«Кутенок-то замерзает, наверно, — отвечает он. — А мы проехали мимо, забыли остановиться».

И глаза от меня прячет, будто стыдно ему.

«Да пропади он, — говорю, — кутенок тот! Того

гляди, сами замерзнем: чувствуешь, что творится! Одна забота — до ночлега бы быстрее добраться, а ты о кутенке! Он подох, наверно, уж давным-давно».

«Я скоро», — только и ответил мне Бургут и быстро пошел обратно.

Ехал я последним — никто и не видел, что сделал наш забияка. Остановить караван нельзя: лягут верблюды, тогда — конец. Говорить кому тоже бесполезно: ну кого бы я мог послать на верную смерть! Так и еду последним и молчу. А мороз все лютей да лютей. Час едем, второй. Обернусь, обернусь назад: не видно ли Бургута? Нет, не догоняет.

Смеркаться стало. Дошли мы до седьмого хотона, что у нас на дороге стоял, а Бургута все нет и нет. Развьючили мы верблюдов, уложили их рядом и накрыли кошмой. Костры из аргала сложили. Ночь настала. А Бургута все нет и нет.

«Пропал наш Бургут», — говорим между собой.

И порешили к дарге¹ идти, лошадей просить — за Бургутом ехать. Сомневались, конечно: кто в такой холод ехать решится! Зашли в юрту к дарге. Он чай пьет и нас угощает. А нам не до чая.

«Беда, — говорит, — дарга: человек пропадает, спасать надо».

«Какой человек?» — спрашивает дарга.

Но тут кто-то кошму приподнимает и в юрту входит, весь белый от инея. Входит и говорит:

«Человек этот — я. Дайте мне чаю», — и садится к очагу.

Смотрим, а это наш Бургут. Снял он малахай, утерся и улыбается, не раскрывая глаз, как во сне.

¹ Д а р г а — начальник.

«Не давайте, — говорит, — мне сейчас спать. А ему вот молока бы дать».

И вынимает из-за пазухи черного кутенка.

«Накормите, — бормочет, как в забытьи, — он живой...»

А сам как повалится навзничь! Возились мы с ним, возились, пока в себя привели. Сел наконец Бургут, глаза открыл и чай стал пить.

«Ничего, — говорит, — за меня не бойтесь. Верблюды не померзли бы».

Вот какой был Бургут... Где он сейчас? Так и знал, что спросите. Где же ему быть! Он молодой, сильный, здоровый. Недавно получил от него письмо: служит в армии. Скоро командиром станет. Хотите знать, где кутенок? А вот около переднего верблюда привязан зверь с добрую телку ростом — наш караульщик. Один на один на волка идет. Не подходите, однако: незнакомых не порвал бы случайно. Утром покажу...

Дагор выкурил последнюю трубку. Костер все еще горел. Так он горел до самого утра. А вокруг него спали в козьих мешках погонщики верблюдов и мы, приезжие люди.

МЕЧТАТЕЛИ

Ночная охота началась с того, что молодые чабаны госхоза Хазбазар с Цевеном привязали на веревку сдохшего теленка, протащили его по снегу метров двести и, не сходя с лошадей, бросили на лед. Переехав на другой берег речки, они привязали лошадей в кустах, а сами тихо вышли на высокий обрыв. Здесь они забрались на стог, словно нарочно сложенный тут еще летом, и зарылись по самые головы в душистом сене. И место на льду, где следовало положить дохлого теленка, чтобы удобнее было целить по зверю, и обрыв, с которого видно далеко вокруг, и стог, в котором хоть всю ночь можно просидеть,

несмотря на стужу,— все это охотники выбрали заранее и тщательно осмотрели. Расчет их такой. Волк или лисица, наткнувшись на след, оставленный на снегу волочившимся теленком, доберутся до привады на льду. Ночь лунная, светлая. Стоит волку спуститься на лед с берега, заросшего кустарником, как зверь превратится в отчетливую цель для стрелков, спрятавшихся в стоге сена.

Над горой потухла вечерняя заря. Уже в темноте товарищ Хазбазар, молодой араб Чайван, тоже оставив лошадь подальше в кустах, подошел к заветному стогу сена.

— И ведь как спрятались! — прошептал Чайван. — Ни за что не скажешь, где тут есть люди. Где вы, охотники?

— Тише, пожалуйста, Чайван, — сказал со стога Хазбазар. — Лезь по откосу. Мы тут и для тебя гнездо устроили — тепло, как в юрте.

И вот все они на вершине стога. Первым от протоки — Хазбазар, за ним лежит Цевен, а с краю устроился Чайван. Повозившись немного и пошуршав сеном, охотники улеглись поудобней и затихли в ожидании.

Тихо и морозно. Пар, поднимающийся с промоин и стелющийся надо льдом тяжелым густым облаком, тут же на прибрежных кустах оседает толстым слоем инея. Каждая веточка на них, даже и самая тоненькая, стала мохнатой и толстой. И от этого берега кажутся покрытыми зарослями каких-то белых хвойных деревьев. Каждый куст до самой земли распустил свои ветви, покрытые искрящимися кристаллами. Стог, в котором спрятались охотники, тоже обсыпанный инеем, громоздится посередине этих зарослей, как гора белых кружев. Стоит выставить наружу клочок сена, как он тут же в руках превращается в пучок жесткого, хрустящего кружева.

Над долиной, застывшей в морозной мгле, догорает зеленое вечернее небо с первыми редкими звездами. От

далеких аратских юрт доносится лай собак да мычанье скота, но глухо и смутно, словно отделяет их от долины толстое зеленое стекло. Где-то вдали монгол запел заунывную песню, погоняя своего коня, чтобы скорей добраться до теплого ночлега. Долго поет всадник, и песня его то замирает, то становится ясной, как будто он то удаляется на многие километры, то вдруг оказывается совсем рядом.

— Это он то в долину спустится, то на дабан поднимется, — шопотом объясняет Чайван. — Издалека едет путник. Пора бы ему, однако, на ночлег, а он все скачет.

Хазбазар и его товарищи задумчиво слушают унылый напев. Наверно, все, кто есть живой в долине, слышат эту песню и следят за всадником. Вот песнь запоздалого путника отдалилась, стала едва слышной, и тут из зарослей, что протянулись вдоль скалистого склона, донеслась другая песня. Словно отвечая человеку, торопящемуся к теплу, на ночлег, громко, отвратительно завыл волк. Перестал петь путник, стихли звуки около аратских становищ. И как будто сразу пришла темная, холодная,

с черным небом и крупными звездами монгольская зимняя ночь.

— Ну, теперь ждите! — шепчет Чайван. — Волки рядом запели, скоро явятся сюда.

Охотники замерли с ружьями в руках, глядя на приваду. Вот-вот появится зверь; может быть, он уже где-нибудь совсем рядом стоит, притаился, готов выскочить из кустов. Кажется, что лохматые заснеженные ветви шевелятся там, где пролегла звериная тропа. Но проходит час, полтора, уже несколько раз волки подавали голоса, а около привады не появились.

Мороз все крепчает. Часто потрескивает лед, будто кто тяжелый топчется на нем. Гукнет лед, и побежит трещина, то близко, под самым берегом, то вдали. Кажется, это огромный зверь крадется по льду и вот-вот выглянет из-за кустов. Булькает подо льдом вода. В сухой, убитой морозом траве — непрерывные шорохи.

Чайван прислушался, и оба его товарища крепче сжали ружья. Им уже представляется, что волки крадутся в бурьян. Нет ли их, в самом деле, где-нибудь поблизости? А то подберутся незаметно — да схватят сзади. Оттого, что охотники напряженно вслушиваются да вглядываются, у них в ушах звон, а в кустах, там, где должен появиться зверь, мерещатся какие-то фигуры.

Всходит луна, и становится так светло, что не только волка около привады, но, кажется, иголку под ногами можно увидеть. Отчетливей выступают над обрывом пушистые, разлапистые ветви, горят на них голубые искры снежинок. Пропали дальние горы, не видно теперь и всей долины. Только небольшой круг около стога выхвачен из темноты лунным светом. Все неподвижно — не дрогнет ветка, не шелохнется облако пара, повисшее над промозной. И на стоге все неподвижны.

Вдруг раздался грохот, будто в зимнем небе ударил гром. Ударил, грохнул — и опять тишина. Хазбазар высовывает голову из-под сена:

— Чайван, что это такое было?

— Наверно, лопнул лед.

— А может быть, что-нибудь другое? — испуганно шепчет Цевен.

И вот опять, уже под самым берегом, на котором стоит стог, заскрежетало, треснуло и плеснулось в воду.

— Вода убывает, вот лед и обваливается. . . Ух, страшно сейчас подо льдом! — помолчав, продолжает Чайван. — Отец рассказывал, как он раз ночью недалеко от поселка Шамры провалился под лед.

— Как же так? — подо двинулся к Чайвану Цевен.

— А вот так. Едет он по льду, а под копытами у коня гудит, как в пустой бочке. Чем ближе к середине реки, тем громче гудит. Отцу повернуть бы назад да заночевать в Шамрах. А он нет — гонит коня все вперед да вперед. И конь стал упрячиться, ушами прядет, дорогу под ногами обнюхивает, ступить боится. А отец знай гонит. . .

Опять грохнуло на реке. Цевен от страха зажмурился.

— Доехал отец до середины, — продолжал Чайван, — остановился. Тут как затрещит лед! Вскинулся конь на дыбы, а отец и крикнуть не успел, как ушел с головой в воду. Вынырнул и видит — высоко над ним ледяной свод, а кругом бурливая черная вода. Орхон-то, он и зимой быстро течет. Тянет отца течением дальше, под лед. И ведь что страшно-то! Вода сбыла, а лед так и остался наверху, как крыша у юрты, до него никак рукой не достать.

— Ну и как же?

— На счастье, конь остался наверху, а отец не выпустил из руки повод. Хороший конь был, не вырвался, не ускакал. Храпит, но стоит у края пролома как вкопанный. Подтянулся отец на поводе и ухватился руками за край льда, а конь еще башкой вскидывает, тянет хозяина вверх. Отец срывался обратно в воду три раза, но как-то изловчился и выбрался. Весь обледеневший доскакал до своей юрты.

— Ох, страх-то какой! — прошептал Цевен.

— А конь живой? — спросил Хазбазар.

— Живой. Только теперь он старый. Отец его не сидит — пусть, говорит, гуляет в табуне до самой смерти.

— В благодарность, значит.

Охотники замолчали, прислушиваясь к треску льда. Темная туша теленка одиноко маячила на голубом льду. Зверь так и не шел на приваду. Теперь охотники и не смотрели в сторону кустов. Рассказ Чайвана отвлек их.

— А знаете, друзья, какая древняя река Орхон? — заговорил Хазбазар. — На его берегах стоял город Каракорум — древняя столица Монголии. Почти десять веков прошло с тех пор. От города и следов не осталось, а Орхон все течет, как раньше.

— Река Дзабхан, — откликнулся Чайван, — говорят, раньше текла на юг, в пустыню Гоби, и Гоби совсем не была пустыней. А теперь Дзабхан течет на север, потому что гора поднялась на его пути и повернула его. Может быть, и Каракорум стал мертвым городом потому, что Орхон ушел в другое русло.

— Может быть, — вздохнул Хазбазар.

— А что я слышал, — заговорил Цевен: — будто в Орхоне водяные коровы есть. . .

Волк завыл неподалеку. Ему ответил другой, потом третий. Охотники насторожились. Но вот взвыл еще один волк, и стая затихла.

— Что ты слышал про коров, Цевен? — повернулся к нему Хазбазар.

— Вон под той горой, за которую солнце село, аратское селение есть, Цаган-Тологой называется. Родня там наша живет. И живет там одна аратка, я ее сам в прошлом году видел. Помешанная она.

Цевен осторожно огляделся по сторонам. Ему самому делалось страшно от того, что он рассказывал.

— Чайван, посмотри-ка, что там, под деревом, копошится?

Чайван взгляделся, куда показывал Цевен, и махнул рукой:

— Это тень от куста, продолжай.

— Помешалась аратка с испуга, — косясь на кусты, продолжал Цевен. — Поехала та аратка на острова искать заблудившихся верблюдов. А солнце уже закатилось, скоро и темнота наступит. Вот выехала она на берег Орхона — говорят, пониже того места, где наша протока впадает в русло, и стала поить лошадь. Разнуздала ее и на длинном поводке пустила в воду. Потянулась было лошадь к воде да как задрожит! Выскочила на берег и давай рваться из рук хозяйки. Аратка и так и сяк, успокаивает коня, хочет погладить его, а он точно взбесился — зубы оскалил, норовит укусить и все от берега пятится. И тут из воды, из самой глубины под обрывом, высунулась черная голова на длинной шее, разинула красную зубастую пасть да как заревет! Конь один прибежал к юртам с оборванным поводком. Пошли соседи искать аратку и нашли ее на берегу, против обрыва. Лежит она без памяти; дели все изодрано, а изо рта пена идет. С тех пор как увидит реку эта аратка, так припадок с ней начинается.

— А зверя больше никто не видел?

— Видеть не видели, а слышали много раз. И всё на закате солнца. Говорят, как заревет он, так словно сто быков зараз ревут. Араты, наверно, поэтому и назвали его водяной коровой.

Охотники помолчали. Луна поднялась высоко и закрылась облаком. Пропали тени и яркая голубизна снега. Всё в серебристом тумане. В кустах завозились, затопали привязанные лошади. Хазбазар спрыгнул со стога и сразу пропал в тумане. Чайван и Цевен поднялись, глядя в ту сторону, куда скрылся их товарищ, готовые прийти на помощь.

— Смелый наш Хазбазар! — восхищенно прошептал Чайван.

Но помощи не потребовалось. Так же внезапно, как и исчез, юноша вынырнул из тумана и полез на стог.

— Твой конь, Цевен, запутался, — запыхавшись, сказал он. — А я думал — волки.

Охотники опять зарылись в сено. Только шапки да ружейные стволы торчали над стогом.

— Есть водяные коровы или нет, как ты думаешь, Хазбазар? — немного погодя раздался голос Чайвана.

Ему никто не ответил. Чайван, не дождавшись ответа, завернулся в дели, намереваясь вздремнуть.

— Вот здоров спать! — пробурчал он.

— А я не спал, — ответил ясным голосом Хазбазар.

— Чего же молчишь?

— Я думаю над твоим вопросом. Ученые приезжали, разрывали древние долины, где раньше были озера, и нашли кости вымерших животных. Значит, эти животные обитали когда-то в здешних местах. Вон аргали, от которых произошли домашние овцы, до сих пор живут в горах Монголии. Сколько раз отец привозил их с охоты, видел? Конечно, здесь времени больше прошло, но, может быть, и ископаемые не все еще вымерли.

На реке опять что-то затрещало, застонало и плеснулось в воду.

— Что это, что? — зашептал Цевен, забираясь поглубже в сено.

— Экий ты трус, Цевен! — заметил Чайван. — Если водяная корова и есть в действительности, так зимой-то она спит где-нибудь в подводной норе. И потом, ружье у тебя в руках, охотник!

— Это по ископаемой корове-то да дробью? — здраво рассудил Цевен. — У нее кожа, наверно, как бронь на танке.

— А что я думаю, друзья, — после молчания заговорил Хазбазар. — Дзабхан-Гол когда-то тек на юг, теперь гора встала на его пути. А высокая ли гора? Сущие пустыки! Я читал в книге советского ученого — всего на

двадцать пять — тридцать метров поднять уровень реки, и потечет она снова в пустыню Гоби. Русло старое сохранилось, пикакого канала не надо. Плотины высотой в тридцать метров построить — только и всего! Вон на Волго-Донском канале в Советском Союзе воду на восемьдесят метров подняли!

— А надо ли Дзабхан опять на юг поворачивать? — задумчиво отозвался Чайван. — Природа лучше знает, куда реке течь.

— Природа лучше знает! — с возмущением передразнил Хазбазар. — Так рассуждать — ничего в жизни не добьешься.

Хазбазар даже выбрался из своего гнезда и уселся на его краю. Он забыл о приваде и звере.

— Никто не говорит, чтобы весь Дзабхан-Гол поворачивать на юг! — энергично взмахнул он рукой. — Разделить реку на две части — сколько нужно, на юг, а остальное пусть течет себе на север. Разве ученые не могут так сделать? Ведь могут же?

— Конечно, могут, — неожиданно подал голос Цевен.

— Правильно, Цевен! — воскликнул Хазбазар. — И будет на Дзабхан-Голе первая в Монголии гидроэлектростанция!

Хазбазар лег на спину и раскинул руки на сене. Он смотрел в морозное небо, на звезды и улыбался.

— Через два года поеду в Улан-Батор. Поступлю в университет, окончу его... может быть, и в Москву съезжу. Вернусь инженером, и придется мне строить ту самую гидростанцию...

— А Цевен окончит университет, — в тон Хазбазару сказал Чайван, — и, может быть, найдет ту самую водяную корову, которой так боится сейчас.

— А ты, Чайван, кем будешь? — спросил Цевен, пропустив мимо ушей обидное замечание товарища.

— Я? — переспросил Чайван. — Я буду, однако, обыкновенным аратом, буду разводить скот, много-много.

И вот пригону я как-нибудь тысячную отару на берег того канала, что построит Хазбазар, и вдосталь напою овец... Эй вы, мечтатели, — вдруг вскочил Чайван, — смотрите!

На льду, в стороне от привады, стоял большой, матерый волк. Стоял он неподвижно, поджав хвост под брюхо и подняв тяжелую голову в сторону охотников. Зверь как будто прислушивался к разговору на стоге. Едва Чайван стал поднимать ружье, он метнулся в кусты и сгинул, словно его и не было.

— Ну вот, — вздохнул Цевен, — и охоте конец!

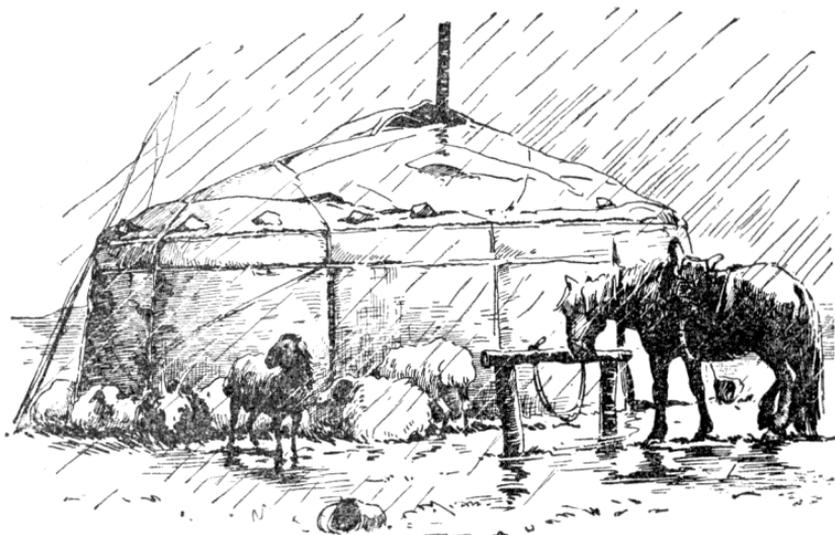
— Да, уж теперь и сам не вернется и других не пустит, — подтвердил Чайван. — Поехали домой, мечтатели. Прозевали зверя!

Три всадника выбрались из кустов на открытую дорогу и пустили лошадей рысью. Гулко стучат копыта по мерзлой земле, застывшие кони торопятся. Тучи разошлись, и опять стало светло, как днем. Над далекой юртой серебрится столб дыма, поднявшийся прямо и высоко в небо. Арат протяжно кричит, выйдя ночью проверить спящую отару овец. Вокруг луны светлый круг, разрезанный крестом. Мороз всё сильнее...

Г А Л Я

Под проливным дождем машина свернула с дороги. Ехать дальше нельзя. На подъемах полуторка сползала назад, поднимая буксующими колесами фонтаны жидкой грязи, а на спусках заносило — того и гляди, опрокинешься. Да и промокли все изрядно, несмотря на брезент; он лежал на головах грубыми мокрыми складками.

К старенькой, закоптевшей юрте, которая одиноко возвышалась посреди долины, жались мокрые, замерзшие козы и овцы; у коновязи, понурившись и безразлично под-

ставив под дождь худую спину, стояла заседланная лошадь.

В юрте навстречу неожиданным гостям поднялась девочка. Она, как видно, только что сняла промокшее суконное деги и осталась в рубашке, заправленной в шаровары. Волосы ее, черные и мокрые, были заплетены в косичку.

Степенно ответив на приветствия, девочка, как и полагается хозяйке юрты, подошла к очагу, сполоснула котел, поставила его на таган, налила свежей воды.

Устроившись на сухом войлоке, путешественники ждали чая.

Но в очаге что-то долго не появлялось огня. Девочка стояла неподвижно около холодного котла, опустив руки и отвернувшись, а потом наклонила голову, и ее черная мокрая косичка стала вздрагивать. Девочка заплакала. Это было так неожиданно, что все растерялись. Что с ней?

Наконец переводчик нашел удобным заговорить с девочкой. Она обернулась, судорожно вздохнула, как делают наплакавшиеся дети, и сказала:

— Сухого топлива нет, все намокло.

— Только и всего — сухих дров нет?

Но переводчик многозначительно покачал головой: положение серьезней.

Когда дрова были принесены из машины, политы бензином и запылали в очаге, девочка рассказала о себе.

Она сирота. Недавно умерла мать, а еще раньше умер отец. Теперь ей приходится самой вести хозяйство. Родственников нет. Соседи обещали помогать, но плохо исполняют обещания. Вот и сейчас пять аратских хозяйств, которые тоже жили в этой долине, откочевали на новые пастбища, а ей одной не под силу навьючить имущество на верблюда, да и овец некому будет гнать. Вчера ночью волки загрызли лошадь, осталась теперь только одна. Весь день девочка пасет овец и коз — они без присмотра никак не могут, — а в юрте никого не остается. Злые люди могут зайти и взять что-нибудь.

— Я и сама могу справиться с хозяйством, — упрямые нотки звучали в голосе девочки, — но вот сегодня я вся промокла, очень замерзла, и... и дров сухих нет, а хочется чаю и есть хочется.

Девочка закрылась ладонями и горько-горько заплакала.

— Не плачь, — сказал переводчик. — Чего горевать-то! Сейчас вот поедем все, и ты с нами, в сомонное управление и договоримся там о помощи для твоего хозяйства.

В сомне объяснили, что девочку Дойту они не забыли. Вчера председатель управления ездил к аратам поговорить о ее делах. Девочку примут в хотон и помогут ей вести хозяйство.

Через две недели, на обратной дороге, я решил проведать нашу знакомую. Теперь ее юрта стояла не одна. Прибавилось еще три. Девочки не было дома, она пасла скот. Но в ее юрте находилась молодая женщина — соседка, как она объяснила. По тому, как тщательно была убра-

на кровать, развешаны занавески, в порядке расставлена кухонная посуда, можно было догадаться, что двенадцатилетняя аратка уже не одинока.

— Она теперь член нашего хотона, — сказала соседка, — и мы все стараемся помогать ей чем можем.

Женщина показала, где сейчас девочка пасет скот.

И вот небольшая гора. На ее вершине виднелся всадник на белой лошади, а у его ног по всему склону рассыпалась отара овец с ягнятами.

Вдруг всадник помчался под гору, распугивая овец. Еще издали махал он руками и что-то кричал. Это была наша знакомая, Дойта. Она соскочила с лошади и, подбежав к машине, остановилась, тяжело дыша.

Отдышавшись, маленькая аратка сказала на редкость правильно по-русски:

— Я живу очень хорошо! — Засмеялась и повторила: — Хорошо, хорошо!

Она, как видно, очень хотела еще что-нибудь сказать по-русски, даже зажмурилась и наморщила лоб, стараясь вспомнить заученные где-то слова, но не вспомнила и опять засмеялась, теперь уж над собой.

Потом она запустила руку за пазуху, вытащила оттуда безделушку из белого камня, какие араты привязывают к трубкам, и протянула ее. Красивая безделушка, выточенная руками мастера, изображала двух борющихся мальчиков.

Я привязал ремешком безделушку к своей трубке и отдал девочке.

— Так принято у русских, — сказал я, чтобы девочка не вздумала вернуть безделушку.

Она серьезно выслушала переводчика, полюбовалась трубкой и, отвязав ремешок, опять протянула каменную фигурку.

— Скажи русскому человеку, — обратилась она к переводчику, — чтобы взял. Так принято у аратов.

При прощанье девочка опять старалась вспомнить

какие-то русские слова, но у нее не получалось. Тогда она пожала всем руку и решительно сказала по-монгольски:

— Теперь меня зовут Галя, как у русских. Осенью поеду в Улан-Батор учиться. А потом приеду к вам... — она медленно и раздельно сказала: — в СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям	3
Первое мая	5
В дороге.	10
Утро в Гоби	15
Тумор-Батор — железный богатырь	25
Весна	32
Голубой бык	41
На болоте	45
Из записной книжки	47
На высоте трех тысяч метров	57
В пустыне	63
Подвиг	66
Крыжовник	74
Бочка в степи	77
Монгольский виноград	79
Огородное чудо	81
Град	83
Верный сторож	85
Погоня за дзереном	87
Таймень	90
Сорока	92
В долине	93
Последний день	97
Аргали	100
Шурган	101
Дикая лошадь	104
Рассказ погонщика верблюдов	109
Мечтатели	113
Галя	122

Цена 2 р. 70 к.

Владимир
Иванович
Смирнов